

А.Н. Лялин. Охота в Сибири на медведя с лайками

Посвящается истинному охотнику В.П.Горбунову

Глава I

Осенью текущего 1902 г. я задался целью проследить, действительно ли чело берлоги, как общее правило, всегда обращено на юг, как утверждает кн. Ширинский-Шихматов в своем сочинении «По медвежьим следам». Я видел 11 берлог, из которых только одна выходила челом не совершенно на юг, но все-таки, можно сказать, на юг. Чело зияло между корнями могучей лиственницы на юго-запад.

Четыре чела расположены были на северо-запад, два - на север, три - на северо-восток и одно - на запад. Только в трех берлогах я убил медведей, а остальные берлоги были старые, известные мне, в которых я раньше бивал медведей, но в этом году почему-то здесь они не легли. Были и новые берлоги, выкопанные в 1902 г., но оставшиеся пустыми, хотя они очень удобны. Полагаю, помехой были выстрелы промышленников за белкой и рябчиком.

В ноябре месяце я познакомился со взглядом Г.Вилинского (*прим. - Г.Вилинский - известный в прошлом охотничий писатель Дмитрий Александрович Вилинский, публиковавший свои произведения в журналах «Природа и охота», «Псовая и ружейная охота», «Русский охотник», «Охотничий вестник», «Семья охотников», «Охотничья газета».*), этого старинного охотника-писателя, на меня и на произведения г. Старого Волка, о чем я писал в сентябре 1902 г. Г.Вилинский справедливо называет статью Старого Волка сказкой в Мюнхгаузенском вкусе. В то же время он высказал свое сомнение в качествах моих собак, берущих медведя за морду, а равно и относительно времени течи медведя. Мнением такого многоопытного охотника, как Г.Вилинский, я игнорировать не мог и потому решил прежде всего показать людям, мне совершенно незнакомым, на деле достоинства и качества моих собак.

Случай не замедлил представиться.

В половине ноября 1902 г. крестьяне деревни Кайлы, Судженской волости, Томской губ. и уезда Андрей Швецов и Василий Галдаев пошли проверить берлогу, найденную в начале осени Швецовым близ р. Чалы, впадающей в р. Яю.

Оба охотника, вооружившись ружьями, заряженными дробью, топорами и ножами, подошли к берлоге. Смотрят - чело «поло», т.е. не заткнуто, в берлоге - темнота, как это всегда бывает. Василий бросил ком снега в чело. Ничего не видать и не слышать. Тогда он палкой сунул в глубь берлоги - опять молчание.

- Сунь-ка еще, - учит Швецов.

Товарищ, исполняя совет, еще тычет.

- Что-то мягко, - говорит.

- Пихни сильнее, - командует Андрей.

Василий повинуется и со всей силой ткнул в «мягкое».

Слышится рев и выскакивает медведь. Андрей стреляет в упор, медведь на него, охотник загораживается рукой; медведь, всплыв на дыбы, схватывает Андрея за руку и начинает трясти. Василий видит - дело плохо и дает тягу, пока цел.

Медведь потряс промышленника за руку и бросил. Несчастный, падая, задел зверя лыжей. Тогда расвирепевший царь сибирской тайги насел и давай грызть зубами то голову, то руку, то грудь, то ноги Швецову. (*Ошибочно утверждают некоторые охотники, будто медведь зубами не трогает человека. Закон зверю не писан - как ему вздумается, так и поступает*)

Прежде Швецов кричал, звал товарища на помощь, но затем смолк.

Галдаев, отбежав на порядочное расстояние от берлоги, остановился, слышит: товарищ кричит, тише, а потом замолчал. «Знать совсем заломал,» - подумал он, направил лыжи и давай Бог ноги к своей промысловой избушке, отстоящей от места катастрофы в 3-4 верстах, куда и добрался благополучно.

Затопил он печку, закусил и поблагодарил Господа Бога за свое спасение.

Потом вылез на улицу с уверенностью, что медведь «кончал» кума Андрея.

Вдруг слышит жалобный зов товарища, идущего к избушке. Он бросился к нему и увидел его всего изуродованного, в крови, с шапкой и рукавицей за пазухой, топором за поясом и ружьем на спине.

Кое-как Василий обвязал несчастному голову и повел на ст. Судженку (около 7-9 верст), а затем повез к доктору на Анжер-ские казенные каменноугольные шахты, где сделали Швецову перевязку и советовали ехать в Томскую больницу.

Прибыв в Томск, кайлинские охотники: Андрей лег в больницу, а Василий оповестил меня о случившемся.

Андрея Швецова я знал ранее по медвежьим охотам, поехал к нему в больницу, расспросил о происшествии, месте нахождения берлоги, чтобы тотчас ехать разобрать след разбойника, пока не занесло снегом.

Заехал я к приятелям М.Д.К-ву, В.Т.М-му, охотникам по перу, желавшим посмотреть охоту на

медведя и работу моих собак. Позвал я первого, тот отказался по нездоровью и напомнил мне взгляд Г.Вилинского; второй не поехал - по неимению времени.

Ранее я читал в местной газете публикацию о желании какого-то охотника купить берлогу за 20-50 р. Поехал я по адресу. Это оказался г.Р. подрядчик Сибирской ж.д., который желал найти берлогу для г.Эзета, охотника из г. Омска, о котором я слышал ранее, как о страстном и дельном охотнике. Думаю себе - покажу свою охоту.

Уговорились ехать с моими собаками, а ранее я решил ехать одному - найти медведя. Бывает, он ляжет в старую берлогу, а то заберется в новую или искарь, сделает слань на снегу и проч.

Буран, мороз за 30°, терпенья нет, но медлить нельзя, - снегом занесет следы да по глубокому снегу и не разыщешь зверя, я же не обладаю способностью кн. Ширинского-Шихматова, приехав зимой, разобрать следы, сделанные медведем с осени и на месте отрезать все пустое и ненужное, выкинув все лишние петли, которых не видно под аршинным снежным покровом (См. книгу кн. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам».).

Прибыв на ст. Судженку, я поехал в Кайлу, разыскать Василия Галдаева, куда насилу добрался ночью. Это около 25 верст от станции.

Василий рассказал все, как было. Свою робость относил к неопытности: он в первый раз в жизни видел медведя, да и ружье было заряжено дробью.

Я с трудом его уговорил ехать со мной указать место грустного происшествия.

На другой день он обещал приехать, что исполнил.

И наконец-то я отправился пешком, т.е. на лыжах, с вокзала к цели своих странствований.

Василий уверял, что не будет 7 верст до берлоги; оказалось добрых 12, если не более.

День короткий, снегу 14 вершков, лыжи тонут до земли, осадки нет, ход тяжелый, мороз жестокий и в довершение всего Василий потерял место нахождения берлоги. Путались мы долго, вдруг я вижу едва заметный след медведя: характерные луночки на снегу. Пошел ими.

Василий отстает, заметно трусит. След повел в густой кедровник; смотрю - петля; пройдя саженой десяток и внимательно разглядывая едва заметные следы, вижу - что-то чернеется, я схватился за ружье, Василий шарахнулся назад. Бывший со мной крестьянин Федор Князев шепчет: «Глись, это он лежит».

Как-то жутко становится без моих верных постоянных спутников - собак. Хотя нас было трое, но одно ружье у меня да топор у Князева.

Я бросил след и стал обрезать от речки, где чище местность. Обойдя почти кругом густой кедровник, я наткнулся на выходной след, имевший направление параллельно входному, т.е. тому, которым я подошел к кедрачу, уже обрезанному мною.

Прежде чем идти чистым следом, т.е. выходным, я любопытствовал исследовать предмет, принятый нами за медведя, который находится в обрезе не мог.

Оказалась слань, сделанная медведем из молодых кедровых веток, для чего было сломано несколько юных кедёрок (прим. - Кедрок - молодых деревьев сосны сибирской «кедра».), обломаны более пушистые ветки и сложены в кучу на снег.

Таких постелей он сделал две, но почему-то не остался, хотя лежал на обеих.

Полагаю, его согнал страшный мороз и буран.

Надо было кончать дело, т.е. выследить зверя и найти его местопребывание.

Вернувшись на «выходной» след, который был виднее «входного», что доказывало некоторое пребывание медведя на еланях, я пошел им; он, путаясь, повел в «подъем». Пройдя несколько десятков саженой, мы увидели пень и рядом чело, в котором скрылся след, имея направление с запада на восток.

Я несказанно был рад, что медведь лег в прежнюю квартиру, так как ход к ней проложен и известен, лыжница готова и все это сравнительно недалеко от станции.

В избушку добрались ночью; ходьба по тайге зимой во мраке неприятна: то и дело падаешь или спотыкаешься.

Надо было ночевать, так как идти на станцию было просто невыносимо и ни к чему - далеко, темно. Мы очень устали, да и не мудрено: на ногах были без отдыха более 12 часов.

Опишу кстати, архитектуру сибирской промысловой избушки: это квадратный, большею частью пихтовый 5 аршинный сруб, кора его не очищена; сруб кладется на мох или ветоши. В избе нет ни пола, ни потолка. Крыша на один скат, она же служит потолком; сделана из бревен, расколотых надвое. Когда затопят, то снег, лежащий на крыше, тает и вода каплет по всей хате.

В одном углу очаг из камней, если они есть близко, а то просто земляной, но иногда заносят сюда железную печь, негодную для употребления в селенье, с прогорелыми боками, дающими массу едкого дыма во время топки.

В крыше, против очага, оставлено отверстие для выхода дыма.

Дверь - квадратная, аршинная доска; в середине просверлена дыра, в которую вбита палка, заменяющая ручку; петель, разумеется, нет, а эта дверь вставляется в четверть, оставленную в стене.

Окон не делают.

Бывают устроены нары, но обходятся и без них.

Пока горит огонь в очаге - тепло, но дымно. Когда дрова сгорят, вскоре устанавливается наружная температура. Ночлег далеко не комфортабельный, но и ему бываешь рад.

Я, как только вполз в избушку, снял вершницу, чембары и завалился спать на душистую мягкую постель из пихтовых веток - и заснул, как мертвый, даже не встал пить чай и закусить (воду для чаю получали, тая снег - процедура долгая).

Проснулся в 2 часа ночи. Мороз и темь. Подбросил дров на очаг - сразу вспыхнуло сухое топливо, заготовленное промышленниками с осени; осветилась хата, и скоро дым наполнил помещение, не будучи в состоянии выйти в импровизированную трубу. Пришлось открыть дверь, в которую устремился холод.

Я «вылез» наружу («выйти» нельзя было: отверстие дверное «позволяло» выползти на четвереньках), тишина - мертвая, небо покрыто мириадами звезд; таежные гиганты - роскошные кедры, ароматичные пихты - спят, как все окружающее, только громко щелкнет мороз, чем нарушит покой колонка или горноста, приютившегося в корнях отжившего великана, бывшего красавца тайги. Ах, как чудно хорошо в тайге даже в холодную ночь!.. Я взял свои обмерзшие лыжи, пообил снег с камосов и втащил их в избушку, чтобы оттаяли и высохли к утру, и снова заложил дверь.

Спутники мои спали крепким сном. Мне захотелось есть: со вчерашнего утра я ничего не ел. Достал я закуску, хлеб же пришлось оттаивать, ибо он замерз, находясь в мешке, висевшем в избушке.

Закусив с аппетитом, в четыре часа, я разбудил Василия и послал его за снегом для чаю.

В 7 часов мы собрались и вышли, бодрые, веселые и довольные. Я был рад случаю показать на деле своих любимцев. Василий Голдаев радовался тому, что жив остался и не видел медведя. Федор Князев - возможности заработать к празднику деньжонок за подводы, топтание дороги, вывозку зверя и пр.

Путь, пройденный нами вчера с таким трудом, сегодня мы пробежали быстро. Вчерашняя лыжня подстыла, окрепла; ход сделался легкий. Бежишь - как по паркету; я, далеко опередив своих спутников, прибежал на вокзал, а затем, побывав в дер. Светлой и Антоновке для рекогносцировок по медвежьей части, прибыл в Томск и сообщил г.Р. о благоприятном результате поездки. Условились телеграфировать г.Эзету в Омск, который через неделю телеграфировал о своем выезде.

Я прибыл в Судженку 14 дек. и поехал погонять зайчишек. Полюбовавшись на лисичку, убив 9 беляков с четырьмя загонщиками, я вернулся на вокзал, где встретился с Иваном Эдуардовичем Эзетом, приехавшим прямо из Омска.

Это - молодой человек, очень симпатичный, страстный охотник. Он произвел на меня приятное впечатление своей любовью, вниманием к охоте, а равно ласковым обращением с моими любимцами сподвижниками - собачками.

Смотрю, привез он две пары лыж, выписанных им из Москвы из ружейного магазина г.Рогена. Одни дубовые - отянуты тюленем (даже не на клею), другие - ясеневые. Работа чистая, но их единственное назначение украшать охотничий кабинет, а не служить в тайге.

Загиб их крутой, который во время хода по глубокому снегу не будет подбирать снег, что бывает при надавливании пологим загибом, а должен нагребать, тормозить ход. Перевес - неправильный. Ремни изящные, но только носочные, а запяточные отсутствуют. К чему-то прибита тюленья кожа под ступней, куда набивается снег, от давления и теплоты превращающийся в лед, который выбить и сколоть из шерсти нельзя. Надо под ногу класть лист бересты, - она не намокает и не замерзает, - или жуть.

Кроме всего этого лыжи из Москвы длинные и узки, так что по тайге и глубокому снегу ходить на них трудно и тяжело. Так что г.Р. сразу сменил свои нарядные лыжи на крестьянские, а Ив.Эд., привязав веревочки, мужественно ходил на них два дня, но, убедившись в их непригодности, заказал таежнику сделать себе новые. После охоты, на лыжах из Москвы кожа отстала, отдулась и висела, как старая подкладка у изношенного охотничьего пиджака, между тем цена лыжам чуть не более 20 р. за пару.

На таких лыжах сделать 12-13 верст хотя сзади, по готовой лыжнице, новичку - тяжело, почему мы решили нанять протоптать дорогу. На это требовалось употребить день, а мы тем временем задумали погонять лисичек, которые близ с. Суджен-ки водятся, а в понедельник, 16 декабря, ехать на берлогу.

Лисичек не видали, а зайчишек погоняли, но убили лишь десяток.

Не могу умолчать о картинном выстреле г.Эзета из винтовки Маузера.

Едем домой с охоты, стало вечереть; я, сидя на передней подводе, подозревал далеко в колке сидящего зайца, остановил лошадь и указал г.Эзету, который, сидя в санях, с руки выстрелил и зайчишка пал бездыханным. Было саженой 70. Люблю видеть хороший винтовочный выстрел.

Еще хорошо убил г.Эзет тетерева, тоже из саней с руки да еще в ветер. Саженой 55 верных было.

На утро 16 дек. мы, т.е. И.Э.Эзет, г.Р. и я, тронулись в путь с двумя собаками: старой многоопытной сукой Дамкой и лихим кобелем Барсуком, братом Серки, получившего в январе 1902 года в Москве на выставке Императорского Общества Охоты большую серебряную медаль от Общества, медаль министерства финансов, как лучшая лайка на выставке, и приз имени князя

Ширинского-Шихматова за лучшую лайку на выставке, - оба сыновья Дамки. Нас сопровождали еще трое мужиков подвозчиков, топтавших дорогу, - Князев с братом и сыном.

Ехали и шли долго, к берлоге попали лишь в третьем часу.

Подойдя саженой на 20, я привязал собак на ремень, отдав их держать сыну Федора Князева, чтобы осторожнее подойти не спеша к берлоге.

Я хотел подойти к берлоге снизу, но ошибся: место за лис недели изменилось, снег все следы заровнял, даже пень, стоявший рядом с берлогой, ранее мною виденный, покрыло снегом и сравняло. Князев же указал берлогу, которую я прошел в 4-х сажнях.

Собаки рвались, неистовствуя. Здоровый парень их не мог удержать: они вырвались, чужая зверя, и бросились прямо в чело. Барсук влетел с ремнем и пошла потеха. Для меня это обыкновенная история.

Обе собаки в берлоге, медведь рычит, рюхает, собаки возятся, иногда влаивают.

Свидетели-охотники были поражены такому приему собак.

Ранее я полагал, что зверь большой, почему поставил охотников позади чела, но, слыша рычанье, узнал не матерого, почему повторил: «Стрелять не торопясь, остерегаться не ранить собак, медведь не уйдет: возьму ножом».

Собаки дрались отчаянно: то шумели, то вдруг смолкали. В мгновенья мертвой тишины охотники выражали предположения, не задавлены ли собаки, но опять раздавалось рычанье, подымалась грызня.

Охотники вновь суетились, торопились, я их успокаивал, говоря: «Пусть натешатся собачонки, успеем убить, не уйдет, только не торопитесь».

Барсук раза два выскакивал из берлоги, весь в глине; похватывает снегу и опять туда.

Надо было кончать турнир.

Я снял лыжи, подошел к челу берлоги, разгреб лыжей снег, чтобы стать тверже, и хотел петлей поймать собак, но не тут-то было: не даются.

Тогда я, став на колени, опустился в чело берлоги (прием, употребляемый мною не в первый раз), наконец, мне Дамку удалось поймать и вытащить наружу; отдав держать ее Князеву, я пустился выручать Барсука, но едва я стал на колени, как Барсучок выскочил, а за ним медведь.

Как только показался медведь (молодой) из берлоги, я крикнул: «Спускай Дамку».

Сука тотчас поместилась зверю в шиворот. Схватив медведя за шерсть, я сдернул с Барсука - зверь оторвался и дал тягу.

Я вытащив упавшее в снег ружье, хотел выстрелить, но произошла осечка.

Барсук опять догнал медведя и вцепился ему в ухо. Медведь подмял его вторично. Я схватил за уши зверя и скинул с собаки. В это время раздался злосчастный выстрел. Медведь приподнялся, а Дамка вцепилась ему в горло, но была опять смята. Я тогда вырвал нож, и, ударив медведя под лопатку, стащил его с Дамки.

Прибежавший ко мне г.Эзет выстрелил в это время в зверя, которого таскала уже Дамка.

Вдруг я слышу голос Князева:

- Что наделали! - собаку убили.

Я взглянул и увидел Барсучка в трех шагах, ползущего ко мне, а по обе стороны зловещие, алые ленты крови.

Вид крови, мысль о потере драгоценной собаки, ее до боли сердца жалкий, как бы умоляющий взор - привели меня в крайний аффект, и я на минуту потерял сознательность действий. Я, говорят, бросился к Рачинскому, стоявшему от меня в 15-20 шагах позади берлоги, - с искаженным лицом и с криком: «зарезу», но в это время от меня в трех шагах выскакивает из берлоги лончак, а за ним другой. По ним сделали несколько выстрелов. Г.Эзет одного ранил, но они ушли.

Надо было взять их. Я вернулся к Дамке, которая не могла расстаться с трупом драчуна. Оторвал ее, взял на руки, понес на след убежавших зверей.

Старушка моя, почуяв свежий след, бросилась по нем, но страшно вязла, а я вернулся к моему сподвижнику Барсуку, который плелся за мной.

Я подошел, поцеловал милого друга и заплакал. Я уже давно не плакал. Он ни разу не взвизгнул, но помутившимся взором, как бы с укором, поглядел на меня.

И что я наделал? Хотел доказать доблесть своих собак? Кому, для чего?

Более 25 медведей я убил с ним - один, уверен был в него, как ни в одного товарища; никого и ничего не боялся, зная, что он не пожалеет собой для меня, и он знал, что я его не выдам.

Мне кажется, что у всех присутствующих слезы были на глазах. Я не мог больше оставаться. Слыша лай Дамки, побежал ее выручать.

Снег кругом глубокий, ноги собаки нет. Я тревожился: сука, хотя лихая, но старая, с утра не ела, пробежалась порядочно и в эмоции.

Слышу выстрел, подхожу: раненного г.Эзетом медведя добились, а Дамка опять замерла на нем.

Поласкал, поцеловал лихую старушку. Говорю: «Пойдем, третьего сорванца добудем». Взял ее на руки и понес с собой. У самого же так и щемит грудь. Может быть, и над этим чувством охотника найдутся желающие посмеяться - ну, и Бог им судья, ведь в старину сложили пословицу: «дураков узнают по смеху», а я своих собак более не покажу в работе, - будет: урок получил.

Нужно было сделать круг, чтобы увидеть выходной след, но мне хотелось скорее покончить с беглецом. Я надеялся на Дамку. Если она не возьмет, то во всяком случае найдет и задержит беглеца. Я послал собаку вперед. Та скрылась и через несколько время залаяла, но далеко. Мы, т.е. я, г.Эзет и Федор Князев, устремились к ней. Гляжу, она, оцетинясь, «плышет» ко мне по глубокому снегу. Я ее, погладив, поласкав, натравил опять. Она ушла. Мы скорее за нею. Слышу я ее лай и вижу ее бегущей ко мне, а за ней следом лончака, которому я и послал пулю в висок, чем окончил его существование.

Старушка бросилась на него и опять замерла.

Я снял кушак. Сделав петлю, надел ее на голову мишке и потащил к берлоге, но Дамка не хотела расстаться со своим врагом, - хватала его и не давала мне ходу.

Я передал зверя подошедшему Князеву, а сам пошел посмотреть милого Барсучка, которому приказал перевязать живот своим кушаком. Рана была навывлет. Виднелись кишки на обе стороны. Надежды не было на выздоровление.

Слышу, Дамка опять лает. Стало темнеть. Я знаю, что она нашла медведицу, дравшую Андрея Швецова, которая была мною выслежена, но не осталась в берлоге со своими детьми, - кто знает, по каким соображениям, но я не побрел на лай.

Не пошел я добывать медведя, боясь стравить собаку, да и не по себе было: я волновался и тосковал о Барсучке, который спит теперь вечным сном в медвежьей берлоге. Одному с горем легче. Я крикнул Дамку и пошел к избушке, ни с кем не говоря. Я был убежден, что медведица от меня не уйдет: чуть снег поокрепнет, я найду ее с собаками. Далеко уйти она не должна.

Бывши на берлоге, я показал г.Эзету и Рачинскому, что значит «заломы», о которых я писал и о существовании которых многие не знают.

Берлога была старая, т.е. в ней не в первый раз зимовали Медведи, и около нее были видны старые обломы елок и пихт, а равно и свежие, т.е. осенние следы этого года.

Выгреб был на запад. Первый зверь выскочил на запад, а два других на север. Следовательно, ничего не было похожего на то, что требуется теорией кн. Шихматова.

Добрались мы ночью до лошадей с различными приключениями. Даже с лесины в речку угодили свалиться.

Затем, разместившись в санях, прибыли на станцию, грустные и осиротелые. Все восхищались отчаянным бойцом и жалели.

Федор Князев вспоминал прежних моих собак: Нарымку, Серку.

Все это были чудные собаки, но у них не было той деликатности, того ума и легкости, как у Барсука, при беззаветной злобе, присущей им всем.

Не было примера, чтобы у меня ушел хотя бы один медведь, рысь, росомаха, олень, - осенью, весной, или летом, если на охоте был Барсук. Да! Прощай, мой милый товарищ, никогда тебя не забуду!

Показал я г.Эзету и Рачинскому тайгу, окружавшую г.Томск. Наслышались они о существовании росомах вблизи г.Томска, видели «заломы».

Существование всего этого в провинциальных журналах, руководимых невежественной рукой, так бесстыдно отвергалось.

Видели они две берлоги, у которых чело не на юг, как утверждает кн. Ширинский-Шихматов.

Познакомил я их с промышленниками, живущими в тайге, которых они спрашивали о времени течки медведей, причем все промышленники единогласно говорят, что время это - конец августа и половины сентября - круг Воздвиженья Животворящего креста, т.е. 14 сентября.

Один из лучших промышленников Томской губ. Клементий Дмитриев, о котором я ранее упоминал в своих записках, рассказал нам случай, когда он нашел на месте течки (току) в начале октября - «утолку», заеденного медведя, загребенного землей, и несколько лоскутков шкуры, валявшихся на «току», которые он принес домой.

Ссылка г.Вилинского на 150 медведей, убитых Крутенко, егерем Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича, для меня неоспоримым аргументом быть не может. 1) Действительно, весной медведи переходят иногда по несколько вместе, как всякие звери, - изюбрь, коза, белка, колонок и проч., но эти переходы не сопряжены со временем течек. 2) Я писал о Сибири и сев. губерниях Европейской России, а не о Кавказе, медведей которого я не знаю. 3) Наконец, мои аргументы о времени течки слишком ясны и неопровержимы: никто из охотников не убивал в октябре и ноябре медведиц, у которых констатировал бы зародышей в шерсти, что неминуемо должно быть, если время оплодотворения медведей бывает в июне, как утверждает кн. Ширинский-Шихматов. Опять повторяю, я пишу только то, что видел и испытал, следовательно, убедился и знаю.

Вместе с тем я хотел на деле, при свидетелях, доказать то, что для других кажется неправдоподобным, желал убедить неверующих живыми показаниями объективных, незнакомых мне свидетелей, показав, как берут собаки медведя за морду, и дорого заплатил за доказательства.

Позволю себе высказать свой взгляд на зверовых собак.

Всякая собака хороша, когда хозяин ею лично занимается, любит, ласкает, кормит ее, а зверовая - тем более. Нельзя требовать от собаки, держанной на псарне, тем более цепной - легкости, чутья,

верности, злобы.

Я замечал на своих собаках следующее: если их держать на цепи, то они становятся тупы, злы и несносны. Чем ближе их имеешь при себе, тем умнее, привязчивее они делаются. Для зверя они будут злобны, если они: 1) хорошей породы, известной своими качествами, т.е. легки, злобны, умны; 2) обладают приметами, признаками зверовой собаки (кои известны очень немногим охотникам); 3) имеют практику, которую начинают с хорошими, дельными собаками.

Разумеется, универсальности от всякой остроушки-лайки требовать нельзя и на мой взгляд талантливая писательница, умеющая тонко наблюдать, г-жа Дмитриева-Сулима идеализирует и слишком много приписывает этой собаке, считая ее годной на всякую дичь и охоту.

Не может она сравниться с борзой при травле волка или русака; немислимо ей гнать, подобно русской гончей, как, например, гоняли собаки моего отца, потомство которых берет два года кряду первый приз на полевых испытаниях Московского Общества охоты имени Императора Александра II в стае и смычке (говорю о собаках П.А.Белкина, которые все попали ему от меня, причем было ошибочно сказано в каталоге выставки: «происхождения неизвестного», так как они родились все в нашем родовом имении селе Никольском, Владимирской губ. Переяславского уезда) Равным образом ожидать и даже выработать у лайки стойку - потяжку, поиск сеттера, пойнтера - дело более чем сомнительное. Но для тайги, леса, скал, гор эта собака незаменима по своей легкости, стойкости, чутью, злобе.

Без лайки нет зверового охотника и ни одна порода собак заменить ее не может. Но к ней предъявляют массу странных требований. В тайге нужна собака, чтобы бить из-под нее птицу, зверя: найдет она глухаря - тот сядет на лесину, она на него лает. Выследив оленя, лося, она гонит их молча, иначе их далеко угнала бы и, забегая спереди, лает, когда зверь остановится.

Найдет медведя - лает тогда, когда он влезет на дерево, или отсел. Собака сидячего медведя не возьмет, ну, и злится и лает. Если же она будет гонять по следу, как гончая, то угонит зверя далеко и в таежных местах он на кругах ходить не станет. Зверовщик ценит собаку, останавливающую зверя, и таковы все промысловые лайки. Но вот, например, читаю я публикацию в охотничьей прессе о желании г.Лесничего из Люпина - иметь лайку, хорошо притравленную на медведя (чтобы вела голосом в оклад). Это, следовательно, будет гончая, а не лайка. Если она только лает, а не берет медведя, т.е. не останавливает, то ей цены грош. С подобным сокровищем зверя не добудешь, а найдешь и угонишь.

Уважаемый охотник г.Вилинский говорит, что медведь «никогда» не наносил вреда сельскому и охотничьему хозяйству и т.д. Быть может, на юге России, но и там г.Вилинский лично стерег медведя на овсах (как известно, ходя на овес, медведь не столько его губит, обсасывая стебли, сколько мнет и топчет полосу). Затем известно, что медведь приносит громадный вред псекам; он же губит массу лошадей и коров, так например, в 40 верстах от г.Томска, близ с. Иштана в 1902 г. весной и осенью медведи убили более 40 шт. крупного скота, чем нанесли значительный ущерб крестьянам.

Что касается севера России, то статистика Вологодской и Олонецкой губерний слишком красноречива, чтобы утверждать, что медведь не вредит сельскому хозяйству: в одной Олонецкой губернии медведи сотнями режут скот. Там вопиют о борьбе с этим злом и потому странно слышать голос, отвергающий вред, наносимый медведями.

Глава II

Человеку свойственны увлечения, слабости, следовательно, большое место у всякого есть. Один любит карты, другой - игру в тотализатор, третий - ведет турманов, четвертый - предпочитает стрельбу по голубям и тарелочкам и проч. и проч. Я же увлекаюсь породой своих зверовых собак и чем больше, чем чаще с ними охочусь, любясь их приемами зверя, тем сильнее убеждаюсь, что лучше, приятнее этой охоты (для меня) быть не может.

Главное - я один с своими четвероногими друзьями - в них радость, на них и надежда.

Разумеется, многие, читающие охотничьи журналы - усомнятся, не поверят описаниями моих охот и скажут: «нет нужды пускать собак в берлогу, вытаскивать их оттуда с усилиями» и пр. и пр., но я так охочусь, сильное ощущение на лоне природы доставляет мне удовольствие и свой способ охоты с лайками, как бы не называли его - правильным или неправильным - я ни за что не променяю на способ с стоячей облавою, ершами, молчунами и пр. Не претендуя на правильность или неправильность способа охоты, я описываю только быль, и те немногие, издавшие моих собачек, верят, восторгаются ими и понимают меня, мою страсть к той именно охоте, эпизоды которой я описываю.

В настоящей статье я описываю охоту 10 февраля 1903 г., с которой я вчера вернулся.

С начала января с.г. я забрался в необозримые болота Томской губ. и уезда по р.Иксе-Базару, Бобровки и проч. Это интересное путешествие пешком, по глухим, необозримым болотам, пролегающим на сотни верст, доступным человеку лишь зимой на лыжах, я опишу впоследствии, а теперь только поделюсь рассказом об охоте на медведя.

В начале февраля я получил собаку от томского исправника К.А.Попова, которую он рекомендовал, как хорошую медвежью собаку.

Я поблагодарил за внимание и просил ее мне показать. Привели. Смотрю. Породы никакой, форменный дворняк. Поглядел - приметы есть, но сбивчивые - не то по мелкому зверю, не то по глухарю. Собака очень умна, вежлива, миловидна и только. Но слава о ней великая. Она была у поляка-охотника, который попал в тюрьму, и собака осталась в полиции.

Взял я собаку. Кличка ей Полкашка. Стал я ее кормить, ласкать, нежить, чтобы она привыкла ко мне.

Вдруг получаю телеграмму из Судженки: «Приезжайте, есть медведь».

Ехать я не могу: заболел палец левой руки. Боли, ломота страшная.

Досада - доктор не пускает.

Получаю еще письмо из г. Мариинска. Зовут на выгнанного дроворубами медведя. Тоже ехать невыносимо. Руку разнесло. Надо делать операцию, которой я боюсь. Четырехлетняя девочка не так труслива к своей крови, как я.

4-го февраля решаюсь. Еду в клинику, где мне сделали операцию. Боль нестерпимая, руку забинтовали и сказали явиться на перевязку 6 февраля.

Явился. Несмотря на нежные ручки фельдшерицы, боль страшная и еще хуже и ужаснее то, что узнаю новость: придется ходить на перевязку еще недели две и объявиться завтра. Вот так, покорно благодарю, - думаю себе, - ну и пальчик.

Приехал домой недовольный тем, что не могу ехать на охоту из-за такой пустяковины.

Является охотник Алексей Сельчихин с известием, что нашел зверя. Видел он его, идя за рябчиками, лежащим на елани, от Томска в 30 верстах, по чудной дороге.

Искушение, соблазн, а рука забинтована и на перевязке.

Поднял ружье правой рукой, прицелился - смотрю левая не дрожит, но неловко держать - болит средний палец. Говорю: пойду завтра - только схожу на перевязку и спрошусь доктора.

Очень мне хотелось попробовать новую собаку.

Прихожу наутро в клинику и прошусь отпустить меня на охоту - проезжу два дня. Доктор удивляется, не советует.

- Да что за надобность ехать теперь, когда и стрелять неудобно?

Говорю:

- Надо медведя стрелять.

Студенты и фельдшерицы рассмеялись, и я получил дозволение ехать, но вернуться с медведем.

- Слушаюсь, - говорю, и радостный, хотя рука болела нестерпимо, полетел домой.

Живо собрался и поехал.

Взял с собой почтенную старушку Дамку, сына ее Мишку - кобеля по второй осени и знаменитость Полкашку. Хотел взять красавца Волчка, но трудно с четырьмя собаками возиться, тем более, что Волчок очень злобен к новым собакам, а мирить с больной рукой разодравшихся собак - неудобно, в особенности могучего Волчка.

Дорога по реке Томи чудесная. Доехали живо. Погода тоже благоприятствовала. Тепло, тихо.

Наутро встал рано, напился чаю и в ход.

От деревни ехать надо было версты 3 и на лыжах по болоту с версту.

Погода восхитительная, ход на лыжах чудесный, но собаки вязнут, особенно мои, крупнее Полкашки, а тот ползает по су-боям, нюхтит зайчишек.

Алексей Сельчихин уверял, что берлога заткнута, а след идет из берлоги саженей 15 и кончается еланью, на которой улегся зверь, которого он видел лично дней пять назад.

Доверяя ему, я взял два ружья, чтобы успеть стрелять семью, рассчитывая, что медведице пришло время щениться и она выгнала пестуна.

Еще пошел со мной казенный лесник Волков, желая поглядеть охоту, и мужичок, владелец лошади, на которой я приехал из деревни, пожалев своих коней, которым дал отдых.

Версту до берлоги прошли мы скоро, собаки шли сзади и вязли в глубоком снегу.

Едва Алексей показал мне слань, как Мишка с Дамкой ринулись вперед.

Я взвел курок, приготовился, скинув рукавицу с больной левой руки.

Но собаки свернули влево и скрылись в снежной массе. Пошла потеха.

Оказалось, что медведь, как стало тепло, вышел из берлоги, сделал себе постель из хвои, на которой улегся, но как стало холоднее, он опять убрался в берлогу.

Грызня идет отчаянная. Медведь порядочный, судя по голосу. Берлога в кочке на болоте. Мишка, достойный сын Дамки и брат покойного знаменитого Барсука, Холерки, Серки и др. детей Дамки - злобно мечется в берлогу, но зверь не лезет.

Где же хваленый Полкашка? Гляжу - он стоит смиренхонько в почтительном отдалении и не обращает внимания на происходящее в берлоге. Приказываю вырубать кол и совать в затылок берлоги, что мужичок исполняет прекрасно.

Кочка с нескольких ударов пробита и кол попадает, должно быть, в спину зверя.

Мужичок кричит: «держит, не пускает».

Собаки в это время рвут без сожаления медведя и он с ревом выскакивает наружу. Тотчас смял бросившуюся на него Дамку. Мишка прыгнул на зверя и, схватив за шиворот, давай трясти.

Медведь отбил от Мишки, но выскочившая из снегу Дамка поместилась ему в глотку и тотчас

опять попала под зверя.

Мне стрелять нельзя. Собаки на переду, а идти с ножом не решаюсь по глубокому снегу и с большой рукой.

Собаки положительно ходу не дают зверю.

Вот Мишка вцепился в щеку медведю, сорвался, тот бросился на него, а мне обнаружился зад зверя.

Прицелился по животу (полому месту) и выстрел грянул.

По лопаткам нельзя было стрелять, собаки были близко. Медведь, как ужаленный, кинулся, отшвырнув собак, и едва сделал скачок, как обе собаки ухватились в зад.

Зверь только приподнял голову, как я сделал выстрел в затылок и лихой боец сунулся, не сделав прыжка в вершок. Обе собаки вцепились в труп зверя, а я начал заряжать шомпольное ружье. Зверь вывесил 6 пуд. 35 ф.

Где же Полкашка? Он, говорят, едва увидел медведя, как удрал за 15 сажень, уселся на пне и оставался благородным свидетелем, даже к убитому зверю не желал подойти. Что за чудо, понять не могу.

Зарядив ружье, я подошел к собакам и натравил их на берлогу. Собаки полезли, понюхали и констатировали, что более в ней обитателей нет.

Дамка опять впилась в медведя и не давала подойти мужикам, которые должны были тащить медведя к оставленным саням. Мне, после уговариваний и ласк пришлось взять собак на сворки, чтобы идти вперед, иначе они не дали бы взять зверя. Такова уже у них повадка, а я их не останавливаю.

Алексей был в восторге от собак, говоря, что он не только не видел, но и не слышал, чтобы собаки могли так брать зверя, и все просил щеночка от Дамки.

Убил я еще четырех оленей и приехал домой, по дороге случилось со мной приключение. Сани-нарты навалились и медведь выпал. Вот я повозился: одной рукой навалить не могу, а помочь левой боюсь - разбередишь палец. Принимался несколько раз, но все безуспешно, и ухитрился, наконец. Приподняв перед, притянул голову медведя к грядке, а затем приподнял зад и втащил в сани.

Заехал в клинику прямо с охоты.

Спрашивают меня:

- А где медведь?

Отвечаю:

- В снях.

- Где?

- Да здесь, у подъезда. Что обещал, то исполнил.

Не идет это к делу, но не могу утерпеть, чтобы не поделиться небывалою новостью: видел 9 февраля ток глухарей, т.е. токующих глухарей я не видел и не слышал, но видел токовище, все исхоженное глухарями, где они чертили крыльями, прыгали - одним словом, как весной.

Согнал с десятков глухарей с кедёрок. Что-то очень рано!..

Тетеревей в тайге много, но в чистых местах положительно нет. Зайцев везде масса.

Показались вблизи самого Томска табунки серых куропаток и каменных рябчиков - (голоножек). Благодаря почину бывшего томского губернатора А.А.Ломачевского и инженера Якса-Квятковского, выпустивших несколько десятков куропаток около Томска, их развелось много. Только жаль, что они безжалостно избиваются вокруг Томска, а интересно было бы развести эту вкусную дичь, что можно достичь заказом не стрелять куропаток в продолжение 3-х лет.

Глава III

В начале декабря 1903 г. я возвращался в Томск по жел. дороге с охоты из Мариинского уезда, на которой убил небольшого медведя.

Приехавши на станцию «Тайга», где поезд стоит несколько часов, я увидел массу пассажиров, едущих на Томск из Восточной Сибири и Европейской России, так что мое предположение удобно поместиться во II классе с двумя собаками осталось одним желанием. Я взял добавочный билет и сел во II купе 1-го класса, взяв собак с собой.

Рядом со мной купе было занято пассажиром, одетым в дорожную шубу и охотничью фуражку.

Это был пожилой, благообразный мужчина, высокого роста, с военной, хорошего тона, выправкой.

Когда поезд тронулся, пассажир подошел ко мне, отрекомендовавшись Эмилом Павловичем Редлихом, помощником управляющего Томским имением Кабинета Его Величества. Он желал познакомиться со мною, как с охотником по зверю, наслышавшись об успехах моих от крестьян и объездчиков.

- Вам все счастье и теперь медведя везете, а я, равно и управляющий Томским имением г.Назаров, в продолжение 3-х лет заведующий лесной площадью более миллиона десятин, стараемся найти берлогу и устроить охоту на медведя и не можем, несмотря на объявление цены арендаторам,

живущим в дачах Кабинета Его Величества, и наказы лесникам. Вот если бы вы нас пригласили на одну из ваших охот, доставили бы большое-удовольствие.

Я, разумеется, обещал, но в 1903 г. не удалось, так как известных берлог не было, а на авось ехать неудобно. В последних же числах декабря я уехал в Европейскую Россию, оттуда вернулся 16 февраля.

Вскоре я убил гонного медведя за Осиновским участком, а 9-го марта получил извещение о найденной берлоге в Калтай-ской даче, Томского имения кабинета Его Величества, вблизи поселка Ключи, от Томска в 40 верстах.

Осенью я там охотился и моих собак мужички знали, почему и оповестили меня о звере.

Я в свою очередь телеграфировал гг.Редлиху и Назарову, от которых получил извещение, что они прибудут в Томск 13 марта. На охоту выедут 14 марта.

Не желая стеснять себя и их, а главное - для удобства собак, я поехал один 13-го марта, взяв с собой Собольку, недавно купленную мною собаку у промышленника Чулымской тайги, и Мишку, кобеля от своих собак. Взял я еще у г.Г-ва лайку, белую, очень красивую, по третьей осени, Уралку, и с ними на моих санях-нартах поехал в Ключи, куда прибыл ночью.

Встав рано утром на другой день, поехал к Логину Путинце-ву, нашедшему берлогу, чтобы осмотреть место расположения берлоги и составить план охоты, главное, проверить лично существование медведя в берлоге.

Здесь часто случается, что предлагает крестьянин берлогу, торгуется, берет задаток, охотники приезжают и в результате - ничего, берлога оказывается пуста. Так, прошлую осень гг.Хомич и Хмелевский купили две берлоги за 70 р. близ ст.Ижморской, дали задаток, приехали и берлога оказалась пуста, даже и берлоги в одном случае не оказалось, а было просто отверстие, не занесенное снегом.

Мужик ахает, охает, но задаток пропит.

Со мной случались лично подобные инциденты, а потому, не желая подводить охотников, мне мало знакомых, я решил лично убедиться в существовании медведя в берлоге.

Приехав к Путинцеву, я услышал, что берлога в одной версте от его дома. Найдена она его сынишкой, мальчиком 14 лет, случайно.

Он пошел смотреть поставленные им ловушки на зайцев; с ним побежала собака, которая напоролась на берлогу, начала лаять и рыть снег. Мальчик, подойдя к собаке, увидел отверстие; предположив, что это берлога, вернулся домой сказать отцу. Последний отправился убедиться и заметил куржавину, что дало ему повод ехать ко мне, предложить берлогу, так как каждый день иней менялся на стенках выходов, которых было несколько.

Я взял с собой одну собаку и пошел поглядеть место. Оказалось, что медведь действительно лежал и не один, а медведица с детьми, о чем я сказал тут же Путинцеву. Собственно копаной берлоги не было, а медведица налегла в лом, образовавшийся из нескольких упавших сухостоин, под которые она и забралась с семьей.

Чела видно не было и определить его нельзя, но отдушин было несколько, в которые проходило испарение от спавшей медвежьей семьи.

Медведица устроила себе квартиру в согре (болоте), от опушки в 20-ти саженьях.

Брать ее было неудобно с собаками, так как место, занимаемое кучей буреломника, было большое: выходов не было. В любое место между сучками мог выскочить медведь. Кругом раскидывался глухой лес. Чуть упустишь момент - прощай. Собакам работать неспособно вследствие глубокого, неосевшего снега, в котором собаки вязнут, пурхаются, медведь же может идти сильнее, так что преследовать зверя надо на лыжах, причем хорошим ходакам; в таких случаях удается настигать медведя лишь после 3-4 верст усиленного гона. Хорошо бы было взять зверя облавой, но не было народу близко и пришлось чуть не самому изображать облаву, ершей и окладчика, что в мои соображения не входило, а потому я решил занять три номера, поднять зверя собаками. Авось на кого-либо медведь и выскочит, а упустим, тогда будем гнать на лыжах.

Вернувшись в д. Ключи днем, я узнал о существовании другой берлоги, недалеко от Путинцева, найденной крестьянином Моисеем Никулиным, из поселка Крутининой, находящегося в 20 верстах от заимки Путинцева.

Моисей Никулин, ходя за рябчиками по первозимью, наткнулся на выгреб, увидел самое чело, около которого на снегу были отпечатки медвежьих лап. Обойдя кругом, выходу не усмотрел. Через несколько дней проверял свою находку и убедился, что медведь лег, так как свежих следов не было.

Он сказывал леснику, самому помощнику управляющего, но охоты не делал до сих пор.

Узнав все это, я хотел кстати и на этой берлоге побывать.

Вечером приехал в Ключи г.Назаров и его помощники гг. Тихонин и Редлих.

Я им сказал о деле. Они остались очень довольны и решили послать за Моисеем Никулиным в дер. Крутининую, чтобы побывать и на его берлоге.

Надо сказать, что гг.Назарова и Тихонина я раньше не знал. Затем я узнал, что первый из них управлял Беловежской пущей и видал лучшие царские охоты.

Узнав, что у меня одно шомпольное гладкоствольное ружье, из которого я бил медведей, а не центральный штуцер, он удивился, показал мне свой центральный штуцер 10 калибра, чудное,

дорогое ружье, с страшным боем, по его словам.

Я ответил:

- Хорошо-то оно очень хорошо, но я стар и привык бить из своего Леклера, - пока медведей подростков не было, - кладу каждого на месте; вот и в этом сезоне убил чертову дюжину, 13 штук и все как-то падают с первого выстрела. Избави Бог, чтобы я стал навязывать свои ретроградные взгляды старика, но, пока жив, своему верному старику Леклеру не изменю и буду охотиться с ним.

Посидели, побеседовали и улеглись спать. Я с г.Редлихом на своей квартире, а гг. Назаров и Тихонин у своего лесника.

Утром рано встали, живо напились чаю, закусили и поехали к Путинцеву за 12-13 верст.

Тайгой дорога была сносная, но последние 3 версты очень плохая: вся разбитая, того гляди свалишься в ухаб.

Погода стояла отвратительная. Дул теплый ветер. Тайга шумела.

Все-таки доехали благополучно к Путинцеву, где опять напились чаю. Послали за Моисеем Никулиным в Крутининскую, а сами стали собираться на охоту.

Д.Д.Назаров взял свой чудный штуцер; Эм.Пав.Редлих - штуцер Лебедеы; Н.А.Тихонин - Зауера трехстволку, к которой я дал пуль круглых 12-го калибра, но оказалось, что гильзы от другого ружья и в патронник не лезли. Г.Тихонин решил воспользоваться одним штуцерным третьим стволом и стать рядом с Д.Д.Назаровым, так как я наметил лишь три номера.

Собак взяли на сворки, как моих двух, так равно и Арапку Путинцева - собаку большую, злобную, о которой владелец повествовал чудеса, ценя ее в сотни рублей, что меня крайне заинтересовало, так как примет зверовой собаки она абсолютно никаких не имела.

Уралка г.Т-ва бежал со мной вольно.

Шли долго и с большими препятствиями, с частыми остановками, так как все мои три компаньона шли на крестьянских лыжах-голицах. Нечего было и думать догонять медведя на лыжах.

Наконец дошли. На лучшем месте я поставил Д.Д.Назарова, с которым стал Н.А.Тихонин; полевее занял лаз Эм.Пав.Редлих, а я с третьей стороны.

Подойдя к куче буреломника, я приказал пускать Арапку, которого вел Путинцев.

Тут произошло нечто неожиданное. Собака, подойдя к отверстию, остановилась в смущении. Смотрю, что дальше будет. Арапка перебегает в другое место и опять то же.

Мишка неистовствует, ходя на дыбах, Уралка стоит рядом со мной равнодушно. Путинцев направляет Арапку лаять на моих собак.

Приказываю пускать, сняв предварительно ошейники со своих собак.

Эм.Пав.Редлих, видя поведение Арапки, высказывает свое мнение, что берлога пустая.

Прошу не говорить. Повторяю опять, что в берлоге медведица с медвежатами.

Мишка бросился в лом, где и скрылся, Соболька же стал копать сверху.

Послышался лай Мишки в стороне Д.Д.Назарова и вскоре собака, вся в снегу, выскочила, обежав кругом и учуяв по верху, опять спустилась под снег. Очевидно, медведица залегла между буреломин, куда собака не могла проникнуть.

Я велел срубить кол, чтобы шуровать им там, где слышен лай собаки, а лопатой копать снег, где роет Соболька, т.е, место, где я видел отверстие накануне.

Вскоре откопали «затычку» из веток пихты. Тогда Соболька стал злее приступать, а Мишка выскочил и бросился в снег против Д.Д.Назарова. Полагаю, от шума медведица пошла туда, но появление Мишки заставляло ее изменить ход.

Соболька отскочил от лазей, и я увидел голову зверя, которая тотчас исчезла под снегом.

Крестьянин, шуруя колом, попал в медведя, который схватил кол, и через несколько времени послышался рывк, и медведица вылезла от меня в 5 шагах, уставя глазки в меня. Только она вышла, я ее положил на месте. После моего выстрела она не сделала никакого движения, «как будто бы не жила», по выражению Путинцева.

Собаки обе впились в голову и давай таскать.

Г.Редлих хотел их отогнать, чему я воспротивился: пусть потешатся собачонки.

Зная, что зверь убит в голову, я подскочил к нему и стал его оттаскивать за уши.

Мишка бросился в берлогу, где увидели годовика медвежонка.

Тогда я стал звать Д.Д.Назарова. После первого показался второй, который тоже был убит. Вся семья медвежья окончила свое существование на удовольствие всех нас, главное Путинцева, которому я дал 30 р., и окружающих крестьян, терпящих много от нападения медведей на их скот и поля.

Медведица оказалась молодой, но очень шерстной, бурой и худой. Сала - ни фунта. Мой жеребий попал ей выше глаза; проникнув в мозг, вырвал затылочную кость и три позвонка выше горла, сделав отверстие диаметром в вершок. Остановился он под кожей.

Медвежата были прошлогодние - годовики. Самка - бурая; кобелек - черный, как жук. Оба с очень густой и длинной шерстью, но очень малых размеров.

В ноябре месяце я привел живых медвежат, убив медведицу. Они были гораздо больше этих, хотя медведица была одинаковых размеров, но сытая, как всякий медведь, убитый осенью.

Один медвежонок был убит пулей в горло навывлет.

Другому штуцерная пуля 10 калибра, с пустотой, наполненной салом, пробилась кость и остановилась не разворотившись. На мой взгляд, результат очень слабый. Пулю я нашел и поместил в свою коллекцию пуль, вынутых из убитых мною медведей.

Эксперименты производил я многими современными инвентарями. Лучший результат получился от пуль Э.А.Бернгардта. Разрушение и проникновение - прекрасны, желать не надо лучшего. Пули эти не очень чувствительны к незначительным препятствиям.

Страшное поражение и разрыв делает новая пуля Иоасана. Ими я убил двух медведей. Думаю, причина сильного разрушения - закрытие металлического пробного отверстия в пуле. Желательно увеличение ее веса; по моему мнению, она легка.

Очень жалею, что не удалось видеть и испытать пулю, изобретенную г.деБионкуром, известнейшим охотником, с такою любовью занимающимся и охотой, и разведением дичи, о чем я узнал из «Природы и Охоты». Описания же самого г.деБионкура я читаю с особенным удовольствием, наслаждаясь глубокою эрудицией, колоссальным опытом и художественностью изложения.

Глава IV

В Томской губернии много лесов, непроходимых болот, покрытых зимой снегами, способствующими охотнику на лыжах с нартами забираться далеко от населенных мест и вдоволь охотиться за всякими зверем, отдалившимся из прежних излюбленных мест, где теперь прошла железная дорога, вдоль которой селятся крестьяне центральных губерний Европейской России, всеми способами, хотя неумело и варварски, преследующие всякую дичь и отогнавшие ее в далекие урманы и тайги, благодаря чему год от году близ железной дороги дичи и зверя становится менее, а цены на них растут.

Прежде цена рябчикам, тетеревам была 70 к. за десяток, а ныне 70 к. пара. Медвежьи берлоги продавались по 10-15 р., а ныне платят 80 и 100 р. Так, напр., в конце октября 1903 г. я читаю публикацию в местной газете: Продается берлога ст.Тайга, цена 100 р.

Из Томского Общества Правильной охоты не нашлось покупателей, а из Омска г.Эзет (помощник начальника участка Сибирской жел.дор.) купил эту берлогу за 80 р. у крестьянина

Василия Литвинова, со слов которого я описываю эту интересную охоту.

Сделав публикацию, Литвинов получил несколько писем с объявлением цены не более 50 р. Машинист со станции Тайга г.Тимофеев предложил ему 80 р. кроме подвод и проч. расходов, заявив, что он покупает для г.Эзета.

В назначенный день приехал из Омска на ст.Тайгу, в отельном, прекрасном, служебном вагоне г.Эзет. С Василием Литвиновым и братом его, бывшим солдатом (имеет знак отличия за стрельбу), сопровождаемым машинистом Г.Тимофеевым, отправились верхами на берлогу, находящуюся от ст.Тайги в 13-15 верстах.

У крестьян были три собаки, идущие по медведю.

Не доезжая берлоги, охотники спешили, лошадей привязали, собак взяли на веревочки и пошли.

Василий Литвинов был вооружен колом и топором, остальные ружьями. Свою же берданку Василий Литвинов оставил в 30 сажнях от берлоги, будучи уверен, что медведь один и будет убит первой пулей г.Эзета, отличного стрелка, стрельбу которого я описывал в I книге за 1903 г. журнала «Природа и Охота». Подойдя к берлоге, первым стал г.Эзет, рядом с ним г.Тимофеев, солдат Литвинов в арьергаде, Василий же начал выгонять медведя.

Две собаки лаяли у берлоги, а одна близко не подходила. Василий пробил колом небо берлоги и начал им «шуровать». Зверь рывкнул и полез в небное отверстие, сделанное Василием. Показалась голова медведя. Получив удар колом, зверь выскочил из чела. Г.Эзет выстрелил в упор на 6 арш. Медведь пошел. Последовал второй выстрел и пошла потеха. Стрелял два раза г.Эзет, а г.Тимофеев 8 или 10 раз. От последнего выстрела медведица пала. Оказывается, более 2-х раз г.Эзет стрелять не мог: у него сломалось новое, дорогое ружье или патрон застрял, которого экстрактор не подавал, - наверное не знаю.

Пока главные охотники расстреливали медведицу, выскочил пестун, которого они не видали.

В этого зверя начал палить солдат, но в горячах высыл. Василий видит - дело плохо, медведь уйдет, а тут еще выскакивает третий зверь - молодой, рожденный в 1903 г., и уходит без выстрела.

Василий сбегал за своей берданкой и, вернувшись, успел ранить пестуна, которого добил брат солдата, так как у г.Эзета, как я сказал, ружье отказалось действовать, а у Г.Тимофеева вышли все заряды. Собаки догнали медвежонка, которого убили тоже братья Литвиновы.

В общем охота вышла для всех приятная: для г.Эзета, который поехал, полагая найти одного медведя, а получил три трофея; для Г.Тимофеева, который потешился, выпустив около десятка пуль по медведю. Пальма первенства выпала на долю Литвиновых: деньги получили и двух медведей убили.

После этой охоты ружье г.Эзета попало в починку к томскому ружейнику, а сам он поехал в

Судженку с приехавшим г.Рачинским (убившим год тому назад у меня собаку Барсука на медвежьей охоте близ Судженки.)

Там они услышали, что есть берлога на речке Барзале, найденная больным, почти слепым стариком Ефимом. Знаю я его давно. Прежде он был промышленником, скитался по р.Яе, живя в земляной избушке при устье р.Кельбега, но когда там образовался поселок, он перекочевал на р.Барзал, выстроил при помощи другого скитальца, промышленника Кустова, и своей кривой сожительницы Васильевны избушку, и живет, существуя рыбной ловлей, собиранием ягод и немного - охотой, но последней занимается мало, так как зрение ему служить отказывается. Бродя осенью по тайге, он наткнулся в одной версте от своего пепелища на берлогу, которую начал рыть медведь.

Проверить и убедиться, есть ли там, т.е. лег ли в нее медведь, он не смел, а на всякий случай оповестил торговца в с.Судженке -Гальвидигу, который сообщил об этом приехавшим охотникам, т.е. г.Эзету и Рачинскому, которые поехали попытать счастья.

По дороге охотники завернули к промышленнику Филиппу Ершову, которого узнали на охоте в прошлом году со мной; пригласили они его «для компании» с собакой.

Эту собаку я видел несколько раз и слышал о ее злобе. Она была со мной на охоте, так как Филипп Ершов хотел продать мне ее.

Она мне не понравилась и вот почему. Собака старая, битая, вся искалеченная за свой дикий нрав. Она бросается на человека знакомого и незнакомого, рвет телят, ягнят, всякую птицу, дерется с собаками, где и когда угодно, ходу, рыску не имеет, глуха - хотя очень злобна и приемиста к зверю. Мои же собаки при своей злобе, обладают неоцененным качеством - хороши в погоне и очень вежливы с птицей, скотом, людьми, злы ночью. Когда же Филиппа Ершова Мальчик (*прим. - Мальчик - кличка описываемой мною собаки. - Авт.*) бросился на моего Барсука, тот его смял в одну секунду, так что я с Филиппом едва выручили Мальчика из зубов Барсука, взявшего его за глотку.

От места жительства Филиппа до Ефима около 40 верст отвратительной дороги вдоль р.Яи и на Бароновский поселок - 4 версты. На санях можно проехать до устья р.Кельбеса и пять верст разломом, хребтом между р.Кельбесом и р.Барзалом до избушки Ефима, куда охотники явились днем.

Тотчас отправились на охоту впятером, именно г.Эзет, Рачинский, Филипп Ершов, Артюхов - подводчик со станции Судженка и Ефим, нашедший медведя.

К берлоге подошли перед вечером, стало смеркаться. Не доходя до берлоги, услышали рывк медведя и пустили Мальчика (собаку Филиппа). Собака бросилась к берлоге и несколько раз возвращалась. Филиппу надо было ее поймать, что он сделать побоялся или не догадался.

После нескольких порывов, собака кинулась в берлогу и скрылась; охотники, полагая, что она задавлена медведем, открыли огонь по челу, не видя медведя и собаки. Филипп, по выражению его, заревел и зажал уши, жалея погибшую собаку.

Разумеется, он и был главным виновником гибели собаки, поехавши с одной злобной, старой, неповоротливой лайкой и с неизвестными ему охотниками.

Стреляли они до десяти раз в чело, скрытое клубами порохового дыма.

Когда же никакого движения в берлоге не стало слышно, они начали совать колом, попадавшим в туши бездыханных врагов, т.е. медведя и собаки.

Совершив главное дело, они начали вытаскивать из берлоги зверя.

У собаки была рана в висок, щеку и брюхо.

Куда был стрелян медведь, мало интересно для читающей публики, так как вся стрельба производилась без прицела, наобум.

Медведя я этого видел на станции «Тайга», когда его вез г.Эзет трофеем охоты в Омск. Это был небольшой бурый третьяк.

Полагаю, что собака была убита пулями охотников, поторопившихся стрелять, а не замята медведем, так как у меня было много примеров, когда злобная собака заскакивала в берлогу, дралась с медведем и оставалась цела.

Это были редкие случаи, так как с одной собакой я никогда лично не охотился и охотиться не собираюсь. Быть может, поэтому на моих охотах подобных несчастных финалов не бывало.

Другой участник этой охоты, Артюхов, передавал процесс охоты одинаково, так что не верить им я не имею причины, и сообщил подобную оригинальную медвежью охоту со слов двух очевидцев, которым не доверять нет основания, хотя иногда не знаешь, кому верить. Так, напр., я встретил вчера машиниста Г.Тимофеева, который рассказывал об охоте, описанной мною в начале статьи, уверяя, что он убил всех трех медведей, а не Литвиновы и что г.Эзет попал медведице в зад, и далее стрелять не мог, благодаря застрявшему в ружье патрону. Кто из них прав, не знаю.

Разумеется, очень жаль так дико, бессмысленно погибшей собаки, злобного Мальчика, как Филипп его называл; досадно за владельца собаки, которого я виню более всех в смерти ее.

Как можно было согласиться ехать на берлогу с неопытными охотниками и брать одну собаку?

К чему было пускать собаку вблизи берлоги, не привязав ее на веревку или цепь. Как бы не была злобна и сильна собака, с небольшим медведем ей не справиться, тем более в берлоге.

Особого значения нет, что с нее не был снят ошейник. Такую старую, злобную, избитую и неповоротливую собаку все равно медведь поймает, а раз подмоги в виде другой собаки, берущей

зверя, нет, всегда задавит.

Не далее как в прошлом году медведица поймала у меня Дамку и начала ее трясти. Я стоял близехонько, но верно выстрела сделать не мог; другая собака Холерка поместилась зверю в ухо, чем отвлекла неминуемую гибель собаки, дав возможность мне сделать выстрел по заду и пересечь спину.

Пуля вышла навывлет в ляжку, сделав разрыв чуть не в вершок в диаметре.

Не могу понять удовольствия стрелять и охотиться с чужими собаками, равно допустить на охоте стрелять зверя мужикам, продающим зверя. О подобных охотах я не слышал ни здесь, ни в Европейской России. Разумеется, все это страсть, увлечение, молодая неопытность.

На медвежьей охоте г.Эзет и Рачинский были два раза в жизни: первый раз в 1902 г. на ст.Судженке и второй раз на ст. Тайга (эти станции в 40 верстах друг от друга по Сибирск. ж.д.). Каждую охоту убивается по зверовой собаке. Я охочусь давно, убил много медведей, но никто не слышал, чтобы я убил собаку свою или чужую, чтобы ранен был бы человек зверем или охотником, или чтобы стреляли крестьяне.

Надо правду сказать, г.Эзет стреляет очень хорошо пулей, равно г.Рачинский не молодой охотник и стреляет хорошо, но медведь не заяц и не тетерев; надо иметь опыт и характер, чтобы послать пулю в убойное место.

Прижав к плечу ружье, зверовой охотник должен быть убежден в действии выстрела и зря, не наведя по убойному месту, не должен дергать за спуск.

На всякой охоте хладнокровие - большое достоинство, на зверовой же тем более. Необдуманный, горячий, торопливый выстрел может иметь губительные последствия.

В горячности можно убить соседа и ранить зверя; большой раненый медведь может поломать охотника; не сразу и собаки спасут, или же зверь уйдет напролом; легко раненного медведя, особенно среднего, четвертей на 13-16, да еще весной, и хорошей собаке не удержать.

Он ударится в согра, речку, болото - где замочит рану, и кровотечение прекратится. Через болото и речки весной не везде и скоро можно перебраться. Собакам в болоте по воде трудно брать, а тем более удержать раненого зверя, не идущего на бой, и ни в каком случае его на лесину не загонят, и так прощай зверь; а все - горячность, необдуманный выстрел.

Не отрицаю, что бегущего зверя, если его собаки не держат, должно стрелять, лишь бы глаз видел, да ружье взяло.

Глава V

Прибыв в Томск ночью после охоты 15 марта с Д.Д.Назаровым, я просил его к себе обедать на другой день вместе с Н.А.Тиханиным, который остался по делам службы.

За обедом выяснилось, что Д.Д. должен уехать в Ново-Николаевск, а Н.А. спешит отъездом в отпуск, так что на крутинского медведя пришлось ехать мне одному.

Несколько раз просил меня К.О.Одынец поехать с ним на медвежью охоту. Я, разумеется, с удовольствием пригласил К.О. на крутинского медведя, зная его, как дельного охотника и отличного человека.

Он желал ехать с своим коллегой С.И.Толкачевым.

Назначили выезд 2-го марта, но ни тот, ни другой не могли ехать и отложили поездку до 25 марта.

Я заехал к К.О., но его назначили дежурным по полку (в настоящее время он прапорщик 3-го Сибирского стрелкового полка), так что я поехал один, взяв 2-х собак, бывших на охоте 15-го марта, - Соболюку и Мишку. Приехав к Путинцеву перед вечером, я встретил там Мосея, дожидавшегося меня с утра.

Он очень удивился, увидав меня одного, так как ожидал Н.А.Тиханина, собиравшегося на охоту с осени.

Мосей Никулин рассказал мне, что у него был объездчик и требовал поглядеть зверя. На такой подвиг мужик не решился.

Нашел он берлогу, ходя за рябчиками по осени, увидел свежую лазею, выгребенную землю и около нее следы медведя.

Обошел кругом, выхода не было, следовательно, медведь в берлоге.

Он тотчас дал знать Н.А.Тиханину, затем сам объяснил ему и все ждал его приезда, но напрасно.

Идти с товарищами мужичок боялся, так как медведя живого не видывал и встречаться с ним не решался, знал несколько несчастных случаев с крестьянами на медвежьих охотах.

Увидев меня, он обрадовался, повторяя несколько раз: «С вами не боязно. Слышно, ваши собаки хорошо берут медведя».

Переправив путцы у лыж и все приготовив с вечера, мы легли спать и рано утром 26-го марта встали, напились чаю, накормили собак и поехали на заимку Кривошеино, находящуюся от Путинцева в 4-х верстах. Там оставили лошадей и отправились искать берлогу.

Взяли мешок, веревку, топор и по ружью каждый.

Погода чудная, холодный утренник пощипывал нос и уши; тайга спала. Потрескивал лишь мороз, да дятел постукивал сухостоины, охотясь за личинками насекомых.

Я сказал: тайга спала. Да, она спала, несмотря на сильный свет солнца и на ослепительный блеск белого зимнего фона широкого болота «Тагана», по которому мы быстро неслись на лыжах. Еще 2-3 недели, и тайга проснется: прилетят гости с юга, зазвонят тысячи разнообразных голосов пернатого царства: утки всех пород, гуси, кулики, кроншнепа; неугомонный бекас, по-сибирски - барашек, будет оглашать всю тайгу в продолжение целых суток своим «блеянием», производимым крыльями.

Дрозды, плиски, овсянки, скворцы - все будут петь песнь любви и славить Бога своим чудным концертом, умиляющим душу своей красотой и жизнерадостностью...

Что может быть выше, божественнее, поэтичнее весеннего утра в тайге?!..

От пасеки Кривошеина прошли с версту гривой на запад и спустились в лесное болото. Местность вся ровная. Путь держали по старой лыжнице.

Лесным болотом прошли с полверсты. Но вдруг у меня оборвался ремень на лыже и я упал на сильном ходу и закопался глубоко в снег.

Мосей, воспользовавшись этим обстоятельством, догнал и перегнал меня, пока я налаживал путцы.

Вдруг я слышу выстрел.

Подхожу и вижу рябчика, убитого Мосеем. Промышленник подманил самца на пищик.

Я пошел вперед и вскоре вышел на чистое болото, называемое «Таганы», которым надо было идти более версты.

Ход был чудный. Снег немного окреп на чистом месте, так что лыжа не тонула, а летела по «черыму».

Едва кончилось болото, как начался подъем в гору, который давался трудно Мосею, так как у него не было запяточных ремней. Взобрались и опять пошли просекой 6 верст.

Дорогой согнали глухаря. Слышали рябчика, но на пищик он не подлетал, а скрасть его было невозможно, так как без лыж идти нельзя: снег не держал, а лыжи издавали шум и шорох.

Наконец, доходим до просека, отделяющего землю Кабинета Его Императорского Величества от губернской, т.е. казенной, дачи, в которой была примечена берлога Мосеем.

Пройдя ею сажень 50, я увидел залыски, сделанные по осени, которыми прошли с полверсты, остановились, чтобы переправить ружья, взять собак на сворки и перевязать лыжи.

До берлоги оставалось около сотни сажень, по словам моего провожатого.

Но вот и последняя залыска на сухой ели, вблизи которой должна находиться берлога.

Идем, идем по чистому месту - гриве и никаких признаков берлоги нет.

Мужичонка переменялся в лице и говорит: «Знать на той гриве - прошибся, пойду погляжу».

- Пускай, - говорю, - собаку - и снимаю сворку с Собольки; Мосей спускает Мишку.

Собаки бросились искать, Мосей ушел вперед, а я направился тихонько по его лыжнице, разглядывая лесины, нет ли «заедей». Вместе с этим слежу за собаками.

Вот, смотрю, стоит пихточка с обгрызенными довольно высоко ветками.

Едва я хотел приблизиться, чтобы узнать, медвежья ли это «заеда», как вижу Мишку (*прим. - Мишка - кличка собаки. Авт.*), бегущим ко мне с поднятым нюхом.

Не добежав до меня 2-х сажень, он начал копать на совершенно гладком месте. Покопав немного, перебежал с сажень и опять начал рыть снег.

Однако берлоги еще положительно не видно. Что, думаю, за оказия? Значит, колонка нашел.

Смотрю, несется Соболька и нюхтит.

Я свищу Мосею, ушедшему от меня, раз и два. Не слышит. Кричу отрывисто: «Ступай сюда». Затем вынимаю из путцов ноги и становлюсь на лыжи поперек ступнями.

Мишка копается в третьем месте, очевидно, чуя зверя, но не попадая на чело.

Явившийся Соболька начинает ему помогать. Слышу, «рюх» медведя и вскоре показывается солидная башка и спина, в которую поместился Соболька.

Медведь ринулся назад, Соболька с ним. Мишка же вслед кидается в берлогу и вылетает с клоками медвежьей шерсти в зубах.

Я стою в 5 шагах на открытом месте, выхватив из ножен кинжал и поджидая появления медведя.

Мишка лает в чело и вдруг, как мячик, отскакивает, а за ним вылез громадный медведь и вздыбился. Я вскидываю ружье. В это время лыжа подвертывается, я проваливаюсь. Следует выстрел. Медведь моментально поворачивается ко мне. Я взвожу левый курок и хочу взять зверя поправее в грудь, против сердца.

Мишка отчаянно хватается ему в зад и медведь тяжело, но с остервенением оборачивается к нему, показывая мне свою широкую спину. Навожу между лопаток, против сердца. Мелькнуло в голове: неужели конец? - я дернул спуск.

Раздался выстрел и мохнатая туша рухнула. Я начинаю заряжать шомполку, Мишка же тешится, таская за холку великана, лежащего без движения. Заложив порох, вогнав жеребий, я оглянулся: Мосей около меня.

- Пали ему в голову - приказываю, а сам надеваю пистон на всякий случай.

Мосей долго целит и попадает не в голову, а на поларшина ниже - в шею. Но этот выстрел был напрасен. Медведь не показывал уже признаков жизни.

Слышу где-то лай. Мишка бросается в берлогу, которую засыпал медведь, вылезая из нее, и

начинает копать.

Каково же было мое удивление, когда, вынырнув из снега, Соболька тотчас же вцепился в холку медведя.

Я и Мосей считали погибшей лихую собаку, и как она осталась целою, трудно понять. Вероятно, его спас смелый прием Мишки, от которого медведь оборонялся.

Удивлению и восклицаниям Мосея не было конца. Он никогда не был на медвежьей охоте и даже не видал медведя живого. Об охоте с собаками он и не слыхивал, так как крестьяне в их местности охотятся, заламывая - иначе - затыкая берлогу, и паля в отверстие, образуемое между островинами, или прорубая дыру в небе берлоги.

Главное дело сделали, но как доставить зверя на место. 12 часов дня. Страстная пятница, мужиков ближе 22-х верст нет, да и тех не скоро найдешь, чтобы тащить такую тушу. На лошади не проедешь, надо подделывать лыжи, а нарты продавит солидная туша медведя.

Я решил снять шкуру тотчас на месте. Мосей дал кинжал Самсонова (Тульского) и пошла работа. Снимать было легко, сала было мало, так как зверь вылежался. Однако очень трудно было ворочать тушу пудов в 15, если не более. И этот зверь был таким весною, сколько же бы он весил, убитым с осени?

В Москве и Петербурге сложилось понятие о величине медведя пропорционально его весу, что далеко не верно.

Вес медведя находится в зависимости от многих причин: 1) был ли урожай кедровых шишек и ягод 2) негонный зверь, т.е. убитый при его первом нахождении облавой, на берлоге или собаками; 3) какой пищей питался перед лежкой медведь; 4) не был ли он ранен осенью. Все эти причины играют громадную роль в весе медведя.

Весной же медведь легкий, худой, так как «излеживает» в продолжение зимы все сало внутреннее и наружное, и пропорционально величине гораздо легче осеннего. В Сибири величину зверя определяют, меряя шкуру убитого медведя от норки или бирюльки (т.е. носу) до хвоста, что правильнее, чем определение по весу. Мы медведя оснимали. Накормили теплой печенкой и сердцем собак; зарыли мясо в снег, чтобы не заветрило и не сделалось бы добычей колонков и птиц; немного закусили и, взяв шкуру, пошли, веселые, обратно по готовой лыжнице.

Шкура с головой, обрубленной по шее, и не снятыми ступнями весила 3 пуда 18 фунтов.

Жеребий мой, попав в спину, изломал позвоночник, разорвал сердце, раздробил 2 ребра и остановился под шкурой. Результат веса 18 золотников и пороху - 3,6 зол.⁷⁰

Медведь был очень хорош: громадного роста кобель, весь черный, с густой, ровной шерстью без пролежней и плешин, что весной у больших медведей встречается очень редко. Чело берлоги выходило на запад.

Это четырнадцатый медведь, убитый мною за этот сезон, считая с лета, но такого красивого зверя я не бивал. Были экземпляры длиннее, но с грубой шерстью и не тучные. Один был с редкой щетинистой, бурой шерстью. Убит 29 июня 1895 года. Длиною 22 четверти. Это самый большой. Говорят, бывают медведи в 27 четвертей; лоси в 32 пуда; глухари - 30 фунтов, но я, несмотря на мои постоянные скитания на охотах, более 15 и 16 ф. не убивал, а лосей в 24 пуда не видал. Описываю то, что сам испытал и видел.

Пишу эту заметку 3-го апреля - день, когда в первый раз я наслаждался в этом году пением скворца. Ездил я накануне на глухариный ток, но напрасно: один глухарь прилетел перед восходом солнца, сел на макушку пихты, помолчал, поглядел, потом опустился на снег, потекал - и все это проделал вяло.

Тетерева также бормочут вяло, сидя на березах. В тайге тихо и безжизненно, а настов все еще нет, так что предпринять экскурсию с собаками искать вылезшего медведя нельзя.

г. Томск, апреля 3-го дня 1904 года

Глава VI

Ожидания мои подтвердились: в истекшем году медведей было много. 8 ноября я убил большого медведя; а 13 опять выехал из Томска в ту же местность по реке Яе, где осталось несколько замеченных промышленниками берлог и медвежьих «утолок», которые надо было спешить обойти с собаками, пока не оглубел снег.

Я взял суку-лайку Лушку, нечаянно приобретенную мною в октябре прошлого года по следующим причинам: ехал я по железной дороге с тремя лайками на поиски медведя «по чернотропу». Вдруг неожиданная остановка в разъезде «Пихтач». От ст. «Тайги» 15 верст и «Судженки» 20 верст. Этот разъезд получил свое название, благодаря своему расположению среди глухой тайги, состоящей из ели, пихты и кедров. Жилья вокруг никакого ближе 18 верст и убийственная дорога.

Поезд должен был стоять более часу. Я выпустил своих собак гулять, а сам негодовал на опоздание поезда, разрушившее мои планы рано утром отправиться в тайгу за 40 верст от «Пихтача».

Хожу, гуляю, занимаясь «сибирским разговором» - щелканьем кедровых орехов, добывая их из

смолистых шишек.

Смотрю, бежит крупная лайка чудных форм.

Спрашиваю сторожа:

- Чья это собака?

- А вон старичок идет, это водолив здешний, - отвечает сторож и зовет ко мне водолива. Собака бежит с ним.

Я хотел ее погладить, она заворчала.

- Открой своей собаке рот, дедушка, - говорю старику.

- А на что вам, разве купить хотите? Собака умная, - и открывает рот собаке.

Я поглядел и поразился приметам по медведю.

- Сколько просишь за нее, дедушка?

- Два рубля, - отвечает старик.

Не только два рубля, но я готов был отдать все, что у меня было в данный момент за эту собаку, обладающую замечательными указаниями на «злобу» и «погон» к медведю.

Отдаю два рубля и спрашиваю:

- Где же ты взял собачку? Она молодая - ей 2-х лет нет еще.

- Верно, я ее махоньким щенком взял у проезжающих хохлов из Енисейской губ., да так Хохлушей и прозвал.

Из Хохлуши я ее переделал в Лушку и взял с собой в другой мой приезд.

Была она со мной несколько дней в тайге, находила белок, но медведя с ней не нашел, и вот в этот раз ее взял на верную берлогу, желал пустить Лушку с опытными собаками Мишкой и Соболькой, работавшими всю эту осень без смены.

Приехав на вокзал, я занял купе I класса - Лушка со мной. Прибыв на ст. «Басандайку», я вышел из вагона и встретил в конторе начальника станции господина, одетого в охотничий костюм, с которым и познакомился. Оказался он г.Реш. Едет на берлогу. Разговорились. Он пригласил меня к себе в купе I класса, где я встретил Богдана Станиславовича Пржеславского, тоже охотника. Оба они слышали о моих одиночных охотах с собаками на медведей, читали мои статьи, помещаемые в журнале «Природа и Охота», и стали высказываться за невозможность работать собакам в той форме, как я ее описывал, развивая свои взгляды и доводы.

Я слушал и молчал; много я читал и слышал сомнений в работе моих друзей - собак. Жаль и досадно за них. Досадно то, что люди выражают свое мнение авторитетно, не имея своих зверовых собак и не видавши всей прелести их работы по медведю. Убить в берлоге медведя - отвратительно; убить из берлоги выгнанного медведя кольями - также плохо; повалить топтыгина из-под собак, налюбовавшись его могучими телодвижениями, - восторг и масса удовольствия для меня. О вкусах не спорят.

- А вот что: позвольте вас, господа, пригласить на мою охоту, и вы убедитесь, как собаки «запрут» зверя; как я их возьму от зверя; как зверь выйдет и будет убит в 12 час. дня завтра 14 ноября - на воле, обозленный, во всей своей могучей красоте.

Г-н Реш высказал свое сожаление на невозможность воспользоваться моим приглашением, так как он едет на берлогу. Б.С.Пржеславский отказывался, ссылаясь на неимение валеных сапог и ружья путного.

Валенки я предложил ему свои, ружье же дал ему г.Реш, так как он ехал с двумя ружьями.

Его решением я был очень доволен: по крайней мере, европейский охотник убедится в прелести моей охоты на медведей с собаками.

Приехали на станцию «Судженка» вечером, взяли лошадь и поехали в д. Пухаревку, где я купил берлогу, ранее предлагаемую крестьянскому начальнику г.Мариинска, найденную сторожем, промышленником Иваном Титовым.

В поселок добрались мы ночью, а наутро отправились в тайгу в числе 12 человек.

День был праздничный, и крестьяне просили у меня позволения поглядеть на охоту, на что я, разумеется, согласился.

Поместился я с г.Пржеславским в удобную кошевку, запряженную доброю лошадкой; и покатили передом; дорога в тайгу на «китайские покати» мне хорошо известна. За нами следовала вереница саней с любопытными охотниками-новоселами.

Наконец, появились заруби на березе и весь картеж наш остановился. Надо было идти пешком до берлоги версты две, по уверению Ив. Титова.

Я снял свой охотничий, драповый пиджак, оставшись в летнем, надев поверх него вершницу, т.е. холщевую рубашку, и встал на лыжи.

Погода теплая, берлога близка, а ход тяжелый на лыжах, - снегу выпало на 9 вершков, осадки же еще не было. Г.Пржеславский сел на коня, остальные спутники пошли пешком. Моих собак, кроме Мишки, вели на сворках, а чужих, сопровождавших нас, я приказал оставить у саней; никогда идя на медведя, я не беру чужих собак, советую это делать и другим, имеющим собак.

Сначала шли бодро, надеясь придти к берлоге через 30-40 минут, но вот я замечаю, что мы все вертимся, идем более часу. Спрашиваю провожатого Ивана Титова - так ли идем? Он уверяет: «верно» и показывает «лыски». Вдруг мы выходим на свой след - скандал, заплутались, сбившись

на другие «лыски». Титов ходит, кружит, помогаю ему я, но все напрасно: проплутав около трех часов, наш провожатый попадает на свою мету и через час останавливаемся в лощине, от которой берлога находится в 50 саж. Сняли чехлы с ружей, я переменял пис-тонку ружья, заряженного дома. Б.С.Пржеславский вложил гильзы с пулями, в Зауера 12-го калибра г.Реша. Собак всех трех взяли на сворки - и тронулись. Титов впереди, я позади его и следующий Богдан Станиславович, которому я предложил первый выстрел по медведю, но не иначе, как на «воле», т.е. когда он весь вылезет из берлоги и пойдет наутек или в драку. Хотя есть любители стрелять в едва показавшуюся голову медведя, но это позор, хотя иногда приходится бить медведя в берлоге, если глубок снег, и по нем собаке нет хода. Мой спутник не допускал возможности стрелять медведя иначе, как он выйдет наружу.

Собственно берлогу не было видно, когда мы подошли по указанию Титова: он говорил «под сухой березой», коих было несколько, а под которой - Аллах ведает.

Пустили собак, они бросились, и кобели, подняв головы, сразу учуяли медведя, откопали чело, уже заткнутое, и пошла потеха.

Медведь рывал, кидался к выходу, который сторожили ли-хие собаки. Едва медведь покажет свою башку, как они норовят схватить его за «бирюльку».

Лушка с удивлением поглядела на это представление, потом вошла во вкус и стала отчаянно метаться в берлогу.

Я ликовал, видя ее прием.

Чтобы молодая собака, по второму году, не выдавая не только живого медведя, но убитого, не вскормленная на медвежьем мясе (*прим. - Зимой и летом, когда бывает убит медведь, я всех собак кормлю медвежьим мясом в сыром и вареном виде - особенно шенят. - Авт*) и так лихо брала медведя - это редкость.

Мишка не выходил на дратву. Надо было взять собак от берлоги, что мог исполнить я один, несмотря на 11 человек зрителей, так как обозленные собаки могли дать хватку всякому смельчаку, приблизившемуся к ним.

По одиночке я взял собак от самого чела берлоги, и передал их мужикам, приказав пустить их после второго выстрела, будет ли убит медведь наповал или пойдет.

Взяв собак, стали дразнить зверя жердью, чтобы больше разъярить и не дать ему зажаться.

Медведь стал чаще показывать голову, начал проситься наружу. Говорю публике: - «замолчите», - и действительно, через несколько минут томительного ожидания медведь вылез, оглянулся и бросился во все ноги. Г.Пржеславский сделал последовательно два выстрела раз за разом, после которых медведь мчался во все ноги.

Мне любимого моего выстрела в голову и за ухо сделать не удалось, я взял под лопатку, но несколько обзадил, так как перед медведя был скрыт деревом.

Собаки все три вихрем промчались мимо меня за удравшим зверем.

Через несколько времени послышалось рычанье зверя и ожесточенный лай собак.

Остановили, не посрамились собачата.

Бегу на лай по довольно глубокому снегу.

Собаки смолкли, зверь, следовательно, оторвался и пошел, но вскоре опять лай и рев. Накрыли - не уйдет от моих верных друзей.

Подбегаю и вижу картину.

Медведь сидит, видно раненый, а собаки рвут его с трех сторон.

Я вскинул ружье, взяв под ухо, и медведь завалился.

Собаки вцепились, а Лушка схватила морду и трясла ее во все стороны.

Что за мощь, что за злоба в этой собаке?

Подобной картины Богдан Станиславович не видывал: восхищался и удивлялся.

Зверь оказался медведицей пудов на 9-ть, бурая, вернее - соловая, трех лет.

Иван Титов, промучив нас порядочно, был очень доволен; все равно он условленные 30 руб. получил.

Медведице я распорол живот (*прим. - Около паха в брюхе оказалась пуля с деревяшкой, которую я передал Б.С. как его собственность. - Авт*), вырезал несколько кусков парного мяса для угощения собак. Соболька и Мишка с жадностью ели теплое мясо, а Лушка понюхала, но не ела: не знает еще вкуса, дурочка, повидает и привыкнет к медвежатинке, милая собака.

Так как лошади были далеко, то я приказал медведицу подвесить за голову на лесину, а сами двинулись искать другого медведя, который, по предположению Ивана Титова, должен был лечь в лому; берлоги он не видал, а заметил кучу сена, заготовленного медведем, и утоптанное место, где мишка рвал траву для подстилки берлоги. Через несколько времени на этом месте сена уже не было, следовательно, медведь его куда-то унес, но куда, определить могли только собаки, почему он меня звал поискать. Если найду медведя, то я плачу половину стоимости берлоги, т.е. 15 р., а если найду и не убью и медведь уйдет - обязуюсь уплатить 50 р. - такой у меня везде уговор с промышленниками, для них выгодный и мне удобный.

Надо сказать, что замеченное Титовым место медвежьего покоса находилось от его балагана, где он промышлял рябчиков осенью, не далее 100 саж., да и того не будет; балаган же от берлоги, в

которой мы нашли медведя, был в двух верстах, хотя шли 2 часа, ход был довольно тяжелый, особенно Б.С.Пржеславскому, шедшему в длинном бешмете на лисьем меху.

Лошадь, на которой он ехал в начале охоты, отстала.

Наконец, добрались к балагану Ивана Титова.

Я зарядил свою гранатку пулями, собак взял на сворки и все тронулись по указанию Титова.

Через 15-20 минут подошли к ложку, через который виднелся валежник, близь коего медведь устраивал покос.

Перейдя лог, я дал знать спустить собак, которые бросились по направлению брошенной мною палочки в середину валежника и стали шарить.

Первый выстрел я опять предложил г.Пржеславскому, поставив его с прохода, а сам стал заходить кругом, так как неизвестно было, где лежит и куда пойдет зверь.

Каково же было мое удивление и радость услышать голос Лушки, лающей на стороне г.Пржеславского. Кобели, ползающие по буреломнику, подвалились к ней.

Медведь найден, но его надо убить и не упустить; последнее могло произойти очень свободно, так как определить выход в лому, занесенном толстым слоем снега, невозможно.

Собаки рвутся; вблизи их в 15-20 шагах стоит наготове мой товарищ, а я против него по другую сторону буреломника. Минут 15 собаки воют по очереди, кидаясь под валежину, но медведь молчит. Затаился, озорник, признал бойца, лютого зверя.

Лушка из себя выходит, так и мечется под лесину, но залезть нельзя: в узком месте медведь сразу задавит какую угодно собаку.

Соболька забрался в образовавшееся пространство между буреломиной и землей рядом с березой, куда лает Лушка, а Мишка лазит сверху, роет снег, грызет сучки, желая проникнуть в тыл зверю иди взять сверху.

Благодаря приему собак, место нахождения медведя означилось.

Я поставил на свое место чеха Антона Генчиша, страстного, смелого и толкового охотника, а сам пошел к собакам, лихо атакующим зверя.

Смотрю, Соболька полез к отверстию и получил удар лапой, отскочил, но опять стал наступать, отчаянно лая.

Вот и Мишка выпрыгнул из бурелома, кровь показалась у злобной собаки из рта от плюхи, полученной им от драчуна зверя. Дело плохо, боюсь переранить собак, а взять их нельзя, - не знаю, куда пойдет медведь; надо ощупать лежку.

Приказываю рубить жердь и обирать снег около собак.

Титов зондирует сверху. Оказывается, медведь залег под «высокорь» (*прим. - Высокорь - поваленное ветром дерево с вывороченными корнями. - Ред*), наружу, ход один, оберегаемый собаками, в который сует жердью смелый Антон Генчиш.

Раз, другой - жердь проникла под березу и назад не поддается: это медведь схватил ее и держит в своих лапах, несмотря на усилия Антона Генчиша, желающего вырвать жердь из лази.

Стало вечереть, надо кончать потеху. Опять нужно убрать собак: зверь сам выйдет.

Предлагают мне зажечь бересту и проч. глупости. Все это зажмет зверя крепче, а не понудит выйти, так как он видит опасность впереди. Если есть два отверстия, то, побуждаемый колом, он выйдет, а из одного отверстия, видя прием злых собак, он ни за что не пойдет. Это я знаю по опыту.

Все приемы выгона зверя показывают неопытность охотника.

Иногда медведь выскакивает от ружейного выстрела, но это случается очень редко.

Подошел взять храбрую Лушку от лази и едва взял собаку в руки, как медведь «рюхнул», но бросился Соболька - и медведь ретировался.

Отдав Лушку, не без труда поймал Мишку, которого передал держать молодому парню, не умевшему удержать сильную собаку. Мишка вырвался и опять вступил в бой.

Вторично я поймал его и дал держать толковому чеху, а сам пошел ловить Собольку, которого взял за хвост, потом - шиворот и потащил, чтобы отдать спутникам, но едва выпустил его из рук, как обозлившаяся собака кинулась на меня, имея поползновение схватить за руку. Я отбил. Тогда она кинулась ко мне на грудь. Я и этот маневр отклонил.

Вот до чего азарится собака на медвежьей охоте, что не только на постороннего, а на своего хозяина, делящего с ней много лет опасности охоты, кидается и готова дать серьезную хватку.

- Теперь мишка сам выйдет, - обращаюсь я к публике. Действительно, медведь стал показывать в челе свою черную голову и едва я вырвал две сухие жерди, торчавшие в берлоге, вылез на свет Божий во всей своей красоте.

Первый выстрел я предложил г.Пржеславскому, как и первого медведя он же стрелял первый.

Он делает выстрел по озирающемуся зверю, после которого медведь делает скачок в сторону, затем второй выстрел - и медведь галопирует, но в это время собаки подросли и начинают рвать со всех сторон беснующегося зверя.

Сердце замирает видеть их лихую работу.

Я держу ружье наготове, но нельзя стрелять: то собака против убойного места, то медведь повернулся задом, но вот чудный момент - медведь сел ко мне грудью и насторожился, я взял в середину на четверть ниже горла и дернул спуск - выстрел грянул, после которого медведь сунулся,

но опять стал подыматься, я выстрелил в полулежачего, выцелил под лопатку. Собаки поместились в него, но он все еще шевелился.

Кричу: «Стреляйте, Богдан Станиславович», - а сам выдергиваю нож, оказывается, у товарища нет зарядов, да они были лишни, так как боец не мог уже сбросить собак.

Я подбежал и ударил его ножом под лопатку; маневр, многие найдут, быть может, лишним, но я ему не изменю, пока охочусь.

Медведица оказалась такого же размера, как и предыдущая, но гораздо темнее и толще.

Я ей опять распорол живот и вырезал собакам мясо. Тушу подвесили на лесину, и стали, довольные удачным днем, собираться идти к лошадям, дожидаясь в лесу.

Богдан Станиславович подходит ко мне, снимает шапку, говоря: «Спасибо, большое спасибо вам, А.Н., за доставленное мне удовольствие: такой охоты я не только не видал, но и не слышал - можно ли сравнить охоту с собаками - с облавой или на берлоге. Ну и собаки же у вас, и как это они целы» (оказалось не совсем - Мишка получил плюху, от которой кровь горлом пошла, Собольке разорвал нижнюю челюсть, Лушка получила удар по передней ноге - но все эти раны не опасны и кобелям не в первый раз).

Подвесив зверя, надо было торопиться идти к лошадям, находящимся в 4-х верстах от нас.

Двинулись. По готовой тропе рассчитывали пройти не более часу, но путь замедлял г.Пржеславский, отощавший и уставший без привычки идти по снегу, притом в длинном, теплом бешмете.

Он то и дело садился, отдыхал.

Тайга шумела, ветер усиливался, мороз потрескивал и стемнело.

Я в своем летнем одеянии торопился идти скорее, чтобы нагреться, но Богдан Станиславович отставал и мне неловко было оставить его одного.

Мужики, за исключением Ивана Титова, бывшего с нами, ушли вперед, надеясь скорее придти к лошадям. Днем пройденный снег совсем занесло неперестававшим бураном, так что тропу мы то и дело теряли. Вдруг видим огонь.

Подходим. Оказывается, наши спутники сбились с пути, и не быв в состоянии найти тропу в темноте, - отаборились, разведя костер, который не разгорался: все было мокро от снега.

Дело скверное, финал может быть печальный, боялся я за Пржеславского, да немного и о себе подумывал: приходилось ночевать под сводом небесным в довольно легком одеянии, чуть не десять часов в мороз около 15° несколько рискованно. Нарубили еловых веток, из которых я сделал себе постель, и улегся подле костра, гревшего плохо. Так как сухого тальнику найти ночью трудно, то нарубили сырого березняка, который разгорался долго, хотя давал жару достаточно - более же дымил.

Все голодные, унылые, бранили Титова, сбившегося с дороги, только я молчал: и не то в жизни бывает. Надо было, как-нибудь, выходить, и вот Титов пошел с новоселом искать путь, чтобы вывести нас к лошадям.

Я заснул, но спалось плохо, холод пробирал жестоко, а резкий ветер проникал сквозь мой летний пиджак. Б.С. заснул рядом со мной.

Я выглянул и действительно картина переменилась: луна осветила тайгу, звезды горели на небосклоне, снег перестал, мороз и ветер усилились.

Нечего и думать, надо было идти тотчас к лошади; очевидно, Титов не вернется и ждать его напрасно, ориентироваться с местностью в лунную ночь нетрудно, равно как определить, где юг, восток и проч. Лошади стояли на юго-запад, куда мы и побрели, я с Антоном впереди, остальные гуськом следовали за нами. Снегу выпало достаточно, шли целиком, местами в логах на аршин тонула нога, на ровном месте на 10 вершков.

На ходу я нагрелся, то и дело спотыкаясь на попадающие валежины, невидимые под снегом; шли мы прямо и довольно быстро, направляясь к юго-западу.

Вот и тропа, проложенная нами вчера утром, по которой мы шли от лошадей. Слава Создателю, скоро выйдем к лошадям...

По готовой тропе мы прибавили шагу и скоро показались сани и лошади, но и тут беда.

Лошадь, на которой я ехал утром, отвязалась и гуляла по тайге, сняв узду. Не скоро ее поймали и собрались ехать.

За г.Пржеславским, далеко отставшим в тайге, я послал лошадь.

Антон чех запряг своего коня и я с ним покатили в Пухаревку по гладкой, мягкой дороге, удобно поместившись в санях, надев теплую шубу, днем оставленную мною в санях.

Приехали в деревню в 4 часа утра. Вот вам моцион и финал охоты.

Каково было удовольствие видеть кипящий самовар... Масса эмоций, миллион наслаждений.

На другой день вывезли медведей, и я поехал в Томск. Приехав на ст. Тайга, я услышал о выгнанном медведе, за которым пошел, оставив весь свой багаж на станции.

Медведя догнал и убил. Охоту эту опишу впоследствии.

Интересовали меня раны, полученные медведями, произведенные различными пулями г.Пржеславского, которые я исследовал в присутствии свидетелей.

Одна пуля г.Пржеславского в первого медведя попала ему в пах. Я вынул ее из живота. Она 12-го калибра с деревяшкой.

Вторая пуля угодила несколько левее, проникнув в полость кишок; остановилась в сале.

Мой жеребий, перебив два ребра, сделал громадную рану позади левой лопатки, изорвал легкие и остановился с другой стороны под кожей.

Последняя моя пуля в сидячего медведя, когда его рвали собаки, попала за ухо, раздробив позвонки, проникла в череп, который остался на коже не исследованный.

Во втором медведе я нашел пулю Жакана (ею стрелял г.Пржеславский), разорвавшуюся в шее на мелкие куски, не раздробив позвонков, но в мясе образовав широкую, но безвредную рану. Кусочки пули я собрал и отдал г.Решу, владельцу ружья.

Второй пули г.Пржеславского в медведе я не нашел.

Первый мой жеребий в сидячего медведя показал громадную наружную рану в грудной клетке, произвел страшное разрушение в легких, раздробив ребро; остановился в сале под кожей у спины.2) Второй мой выстрел в лежачего зверя в правую лопатку разбил ее вдребезги, пробил вторично легкие, раздробил позвоночник у шеи, где и был мною вынут, скомканный жеребий в 18 золоти, веса.

И то медведь имел силу подниматься.

Все это доказывает верность моего взгляда стрелять в голову, над глазом, или за ухо. Эти пули кладут зверя на месте. Метивши под лопатку, можно сразу убить медведя, попав ему в сердце, что далеко не легко исполнить, не видя нужную цель, т.е. сердце (очень большое у медведя).

После этих охот я не простудился, что не меня одного удивляет, хотя много было к этому данных.

Как здоровье Б.С.Пржеславского, не знаю, так как не получил обещанного письма из Красноярска, куда он уехал.

г. Томск, Ноября 19-го дня, 1904 г.

Глава VII

Проводив своего знакомого Б.С.Пронцеловского в Ачинск, я вернулся со станции Судженка в д. Пухаревку, куда уже привезли убитых мною 14-го ноября двух медведей. Наутро их надо было отправить в Томск, куда я спешил поспеть к 18 ноября.

Встав рано утром, я выехал с медведями, оставив Собольку и Мишку в Пухаревке, намереваясь вернуться к 2-му ноября искать еще медведей, а Лушку взял с собой, боясь ее оставить без себя, так как она пришла в пустовку, на охоте 14-го ноября, где она понялась с Мишкой и Соболькой, чему я очень доволен, ожидая получить дельных собак по зверю.

Я привязал на длинные цепи своих любимцев в теплом сеновале у Антона Генчирша. Простившись с ними на 4-5 дней, я уехал. Не успел выехать из деревни, как Мишка меня догнал. Я поймал его и отдал Генчиршу водворить в сеновал. Какова была моя досада увидеть Мишку, догнавшего меня вторично за деревней. Пришлось опять вернуться и тогда уже я его оставил в избе, привязав на цепь, надеясь, что он в этот раз не удерет, и только в третий прием выбрался из деревни Пухаревки.

Погода была чудная, дорога ровная, так что часа через два я подъезжал к ст.Судженке; на повороте сани раскатились и я вылетел.

Встаю и вижу Мишку, осторожно, с виноватой миной следовавшего за мной.

Как-то удрал он, сняв ошейник и растворив дверь. Погрузили медведей при мне все-таки в вагон и я поехал на Томск.

Приехав на ст.Тайга, я узнал от рабочих, что дроворубы верстах в шести от разъезда выгнали медведя. Кое-кто собралось его следить, но, разумеется, без толку прошлялись день.

У меня в распоряжении было 17 ноября. Как, думаю себе, не попытать счастья: собаки со мной. Может быть, не далеко ушел медведь, если его не стреляли охотники и не гоняли собаки. Место было знакомое.

Решил попробовать.

Приехав ночью на разъезд, я отправился искать кого-нибудь из мужиков, знавших охотников, следивших накануне медведя. Интересно было знать, где они бросили след зверя.

Скоро я узнал следующее: «Медвежина огромный; как выгнали его из берлоги, он оборотился да как рявкнет, ажио волос шапку поднял; всплыл на задни лапы, повернулся и пошел шагом прочь, - мы все (т.е. дроворубы) давай бог ноги. Прибежали в бараки и рассказали о случившемся. Тут народу собралось множество, были ружья и собаки. Понаделали пуль всяких и пошли человек восемь; собак набрали до десятка -разных. Только до берлоги дошли и пошли следом, собаки разбежались, остались две, да и то зря бегали, на векшу лаяли и зайцев гоняли. С версту прошли следом и увидели место, где медведь топтался. Решили, что зверь уйдет далеко, и половина охотников вернулась назад, остальные последили версты две, стало вечереть; запасу не взяли, ночь долгая - лучше идти домой, чем в тайге мерзнуть: в бараке теплее, да и безопаснее»...

Приятно было знать, что медведя не гоняли и не стреляли, почему он не должен был уйти далеко.

Подмывало мою охоту догнать огромного медведя, со слов рассказчика, почему я достал каравай

черного хлеба, половину скормил собакам, а другую дал сопровождавшему меня мужику, одному из следивших накануне медведя и, чуть стало зариться, тронулся в путь. Собак я вел на сворке одну, а другую мужик. Скоро подошли к березовой коряге, под которой медведь хотел зимовать.

Собаки, учуяв запах, стали тянуться и Мишка вырвался у мужика и влетел в берлогу. Я скоро отдал Лушку неловкому провожатому, а сам устремился к берлоге, желал перенять собаку, зная ее повадку удрать по следу медведя. Хорошо, если медведь лег близко, на что надежды было мало; если же уйдет далеко, за собакой не угонишься, да и она зря будет бегать по прямому следу и особенно, как начнет петлять зверь перед лежкой.

Поймав Мишку, вылезавшего из берлоги, я привязал его к дереву, а сам пошел разбирать следы медведя, интересуясь узнать его величину, что нелегко было исполнить, так как восемь мужиков и масса собак затоптали путь топтыгина. Осторожно ступая по проложенной вчера тропе, я увидел отпечаток передней лапы на упавшем кедре.

Так в большинстве случаев - неправда: у страха глаза велики. След лапы указал мне пол и величину. Оказался - самец, пудов на 10-11, не более, т.е. четвертей на 12 (судя по времени года - осенью медведь гораздо тяжелее, особенно негонный).

Опять взял Лушку, более скромную, а Мишкой наградив спутника, встал на лыжи и пошел полным ходом, так как не надо было разбирать следы медведя.

Путь вел на северо-восток все под уклон, ход был восхитительный, попадали ложки, которые медведь пересекал, что доказывало его далекий путь. Если бы он думал лечь скоро, он неминуемо стал бы путаться в логах.

Через час, не более - вижу курево, оставленное вчерашними преследователями, где они окончили свою охоту.

Медведь все шел по одному направлению, правясь к согре, заросшей густым кедром и пихтой, где я раз года три назад убил медведя и видел много старых берлог.

Тайгу эту я знаю хорошо, почему надеялся дойти часа в два до этой согры, куда вел след. Но мой ход замедлял спутник, не поспешавший за мной на своих голицах, т.е. на подшитых камасами лыжах, которому еще мешал идти неугомонный Мишка, собака все тянула вперед.

Перейдя речушку Кузель, след, круто повернув на юго-запад, пошел валежником и видно было копанный муравейник.

Ну, думаю себе, не здесь ли ты, приятель? Лушку я отдал держать мужичку, вынул из чехла ружье, зарядил его и тронулся в обход, внимательно посматривая во все подозрительные места, ожидая найти медведя на «слани» или под выворотом; свежую берлогу ему в мерзлой почве не сработать, разве в старую заберется.

Ход по колоднику стал неловкий, скачешь с лесины на лесину, подымая лыжи выше себя, того и гляди их сломаешь.

Покружил, покружил мишка тут и опять направился к знакомой согре. Потерял я тут более часу времени зря, вернулся к спутнику, закусил хлеба, поделившись с товарищем и собаками, и пустился на пересек следа.

Часа через полтора начал спускаться в низину, с которой началась знакомая согра. Вдруг след налево. Это что за штука? Хотел идти им, но решил сделать обрез, чего на первой петле делать не должно, но я принимаю в соображение местность.

Если медведь не ляжет в этой согре, то он уйдет, кто его знает куда, так как далее пойдут бельники и редколесье, где он не останется зимовать.

Я знал, что по этой согре пролегал старая дорога, сделанная при проведении томской ветки; ею-то я и намеревался воспользоваться для оклада зверя. Пройдя кромкой к дороге, я пошел ею. След остался у меня в правой руке.

Болото кончилось, след дорогу не пересек, только взошел; значит, медведь остался в нем или вышел в гору, что я увижу, завершив оклад.

Более половины круга сделано. Надо его было закончить.

Выбежав дорогой к подъему, я устремился другой стороной, имея след медведя в правом боку. Скоро увидел своего спутника, ласкающего собак, чтобы смиренно лежали.

- Говори: слава Богу, - обращаюсь к мужику. Он и шапку снял, осенив себя крестным знаменем.

- Ну, вот и слава Богу, а что дальше-то? - говорит мой спутник.

- А то, что медведь здесь в кругу, близехонько, надо спускать собак, он лежит в болоте, гляди, как пойдет, идем вместе.

- Нет, А.Н., ни в жисть не пойду, лучше здесь пробуду, - отвечает охотник.

- Дело твое, как знаешь, только с этого места не уходи, - предлагаю ему, а сам, еще раз осмотрев ружье, оставив лишнее на месте и спустив собак, снявши с них ошейники, пошел прямо в согру.

Пройдя саженой 10, вижу след на колодине: медведь прошел по ней, а другой след идет параллельно. Теперь меня мишкины хитрости, сметки, петли, двойни и тройни мало интересовали. Я старался увидеть, где мелькают хвосты собак, ожидая их лая, надеясь на их розыск, а если бы начать распутывать следы медведя, то и сам черт их не разобрал бы, а время потерял бы много.

Лом, валежник, кочки и везде видны свежие следы медведя, искавшего себе местечка поукромнее.

Но вот Мишка брехнул, слышу треск и характерный рев, собственно, вернее выразиться - «рюх» - сажень в 15 от меня.

Я скорее скинул лыжи и вскочил на высокую, сломанную осину, чтобы виднее было.

Что за картина! Восторг и масса удовольствий! Медведь кажется бурым большим комом, прыгающим с валежины на валежину, а две собаки мчатся за ним, стараясь замучить его, но рвануть им редко удается, так как на одну с ним колодину не вскочишь: живо сбросит лапой топтыгин. Смотрю, люблюсь и вижу, что группа правится ко мне.

Эх, еще бы немного поближе, лишь бы влево не пошел.

Собаки положительно не давали ходу медведю, забегая, вернее, заслоняя его спереди и сзади, заставляя его вертеться на одном месте.

Я перелез осину, пододвигаясь еще ближе к турниру, желая сделать верный выстрел. Медведь пыхтел, фыркал, делал напрасные, воздушные удары лапой и желая дать плюху собакам. Те кидались, лаяли, имея поползновение схватить медведя зубами. Потеха да и только.

Но вот Лушка дернула в ляжку медведя, махнувшего лапой по направлению Мишки, и бросилась в мою сторону, медведь за ней и очутился от меня в 15 шагах стоящим на пне, так как Мишка опять наступал вплотную. Ну, и картина!.. Момент был чудный, я прицелился повыше глаза и дернул гашетку.

Грянул выстрел, я соскочил с колодины и стал заряжать ружье, слышу, тем временем идет знакомая возня собак с лежащим зверем.

Надев пистон, карабкаюсь через колодины и вижу мелькающие круглые хвосты собак, рвущих труп медведя.

Пуля угодила повыше глаза, раздробила череп, чем прекратила жизнь медведя, оказавшегося в 11 пуд. 12 фунтов бурым самцом.

Итак, с 8-го ноября, почти в одну неделю пришлось убить мне четырех медведей. Что-то дальше будет, хорошо, если бы так все продолжалось.

г. Томск, 29 ноября 1904 г.

Глава VIII

«И на старуху бывает проруха»

Перевязки ноги мне делают с 16-го декабря. Хватка медведицы серьезна. Врач ждет воспаления, которого пока нет, но боли чувствительные.

Раны я эти получил на охоте 12-го декабря при следующих обстоятельствах.

Возвращаясь с охоты 7-го декабря с Золотого Китата в Томск, я встретил в вагоне I класса веселое общество, ехавшее с поездом экспресс из Сев.России, состоявшее большей частью из молодых кавалеристов, следующих на войну с японцами.

С ними направлялся в Томск г. Л. с женой и дочерью, очаровательным ребенком лет девяти.

Г.Л. получил назначение в Барнаул по министерству финансов. Вот с ним-то, собственно, с его элегантной супругой, у меня произошло маленькое недоразумение из-за места в вагоне, которое я занял ранее, положив ружье и дорожную охотничью корзину, оказавшуюся заложеной громадным количеством мест, принадлежащих г.К., который занял имеющиеся оба места в купе.

Потом все уладилось, перезнакомились, появилась на закуску копченая медвежатина и проч. и проч.

Драгуны, услышав, что я через несколько дней пойду «на медведя», просили их взять с собой. Я, разумеется, рад был доставить удовольствие по охоте, обещав сообщить день выезда. И вот собрались ехать 11-го декабря.

Все нужное для охоты приготовил с вечера, решив ехать на другой день в 10 утра и условившись с корнетом 34-го драгунского полка Н.К.Масловым, что он заедет ко мне перед поездом, остальные офицеры ехать не могли, задержанные делами службы.

Встаю утром, спрашиваю прислугу, накормлены ли собаки?

Получаю ответ - да, все, кроме Мишки, куда-то сбежавшего.

Начались поиски, не увенчавшиеся успехом. Досада страшная. Убежала собака именно та, которую я хотел взять на предстоящую охоту, желая показать ее лихой прием.

Как сказано, в 9 ч. приезжает аккуратный корнет, с которым и еду, взяв одну суку Лушку, надеясь иметь на охоте своего Собольку, оставленного мною после охоты в поселке Пухаревском по реке Яе, у чеха Антона Генчирша, просившего меня позволения присутствовать на предстоящей охоте близ с. Лебединского, находящегося в 17 верстах от его обиталища.

Собольку он должен был привести непременно.

Прибыв на ст. Тайга около 5 ч. дня и рассчитывая через час пересесть на поезд, идущий в Иркутск, который имел доставить нас на ст.Судженку, к нашему огорчению узнаем, что поезд опаздывает на неопределенное время, и мы обречены на долгое, бессмысленное препровождение времени в низком, душном буфете станции Тайга, переполненном пассажирами, едущими на

Иркутск, Томск, Челябинск.

Вдруг слышу двукратный звонок и громогласное объявление швейцара: «2-й звонок поезду № X, отправляющемуся в Иркутск». Спрашиваю:

- Какой это поезд?

- Воинский! - отвечает швейцар.

Блеснула мысль, нельзя ли с ним проехать 40 верст, до ст.Судженки.

Прошу любезнейшего корнета Н.К.Маслова попытаться счастья, спросить начальника эшелона дозволить нам проехать с ними одну станцию. Сам начинаю прощаться с симпатичнейшей семьей Л., едущей в Барнаул. Человеку приказал подать счет.

Через несколько минут вижу радостного корнета, проталкивающегося в густой толпе ко мне.

Догадываюсь: разрешение получено.

Наскоро прощаюсь с будущими барнаульцами, беру ружье и Лушку. Корнет забирает корзину и стремимся к воинскому поезду, стоящему на 7-м пути - даль ужасная.

Наконец, цель достигнута, попадаем в вагон I класса, предназначенный для офицерских чинов 100-го Островского полка, отправляющегося в Манчжурию.

Лушка своим видом заинтересовала гг.офицеров, из числа которых много оказалось охотников, во главе с командиром полка кн.М.М.Гедройц, которого я начал благодарить за его участие и любезность.

Он слышал ранее о моих охотах на медведей с собаками и рассказал мне о приеме медведей на рогатину. Из его слов я увидел смелого и отважного медвежатника, убившего, кажется, 18 медведей в Олонецкой и Петербургской губерниях.

Заинтересовала его Лушка, собака очень ласковая и добродушная, причем он рассказал мне, что собаки-лайки, которых он видал, лают на медведя, но не задерживают и не берут его.

Я предложил ему съездить, посмотреть на работу моих собак, на что он согласился, как настоящий охотник, намереваясь догнать свой полк через несколько станций, сев на скорый поезд.

Я был очень рад показать работу своих друзей собак такому опытному охотнику, как князь М.М.Гедройц.

Приехали ночью на ст.Судженку, послали за лошадьми и через час езды были в с.Лебединском у кр.Шелехова, к кото- рому Антон Генчирш должен был привести Собольку.

Каково же мое было огорчение и изумление, когда я узнал, что Собольку не привезли и Генчирш не приезжал.

Так у меня и руки опустились. Картины с одной собакой быть не может.

Я хотел тотчас послать в Пухоревку за Соболькой, но Шеле-хов меня стал уверять, что его Шарик (типичная лайка) хорошо берет медведя, и что если ехать сейчас в Пухоревку за Соболькой, то сегодня, т.е. 12 декабря, на берлогу ехать «не успеется» и «довеется» отложить охоту на завтра, 13-е декабря, чего исполнить нельзя было, так как князю Гедройцу надо было сегодня же ехать на поезд.

Досада меня разбирала страшная, так как моя мечта рушилась из-за пустяка: оказалось впоследствии, Генчирш не поехал в Лебединку и не привез Собольку, полагая, что я не приеду в мороз.

Я мечтал показать картину охоты - выпустить медведя и, дав ему отойти, бросить собак, полюбоваться их приемом и бессильным бешенством зверя, кидающегося на лихих собак, атакующих его с двух сторон.

Поверив в достоинства Шарика, прилег отдохнуть, распорядившись о седлах и лошадях на утро.

Спал я не более часу.

Смотрю, в окошечко зорька алеет - кустарничек смородинки опушился густым, пушистым инеем, накренившим юные стебельки.

Синички, щелбеча свою однообразную ноту, перепархивают с ветки на ветку, отряхая обильно густой иней; «то-то добудут соболя по этой вехе промышленники в сорах и болотах», - думаю себе.

Любоваться природой некогда, надо скорее выбираться из села, а всякие сборы не скоро кончаются.

Бужу хозяек, торопя с самоваром, сам приготавливаю нужное взять с собой и бужу князя Гедройца и поруч.Маслова, крепко уснувших часика на 2-3.

Лошади готовы. Все оделись, выходим. Я по своей привычке, а не поверью, обращаюсь к снохе Шелехова со словами: «Ну, Сашенька, прощай, давай руку на счастье».

Та убежала, говоря: «Не дам, не дам, вас медведь задерет».

Я улыбнулся и все пошли садиться на лошадей, дожидаящих нас у крыльца.

Воображаю удивление и неловкость изящного кавалериста на сибирском промысловом седле с веревочными стремянами, таковыми же поводьями и громадными, безобразными луками.

Кавалькада состояла из пяти человек: трое нас и два мужика.

Ружье было одно у меня и то шомпольное, впрочем, Шеле-хов вооружен был кавалерийской берданкой, офицеры имели новейшей конструкции револьверы и ничего более из огнестрельного оружия.

У меня был самсоновский нож; мужики взяли по топору и ножу.

Погода чудная, снег неглубокий, но собакам ход трудный, особенно тонул маленький Шарик.

Дорогой слышали рябчиков, видели табуны тетеревей, облепившие березняк; сгоняли несколько глухарей, ехавши вдоль согры, поросшей кедром (излюбленное питание глухаря зимой кедровые молодые побеги) и ленивый след отшельницы-росомахи, который я не приминул указать князю (прим. - Помню, в изданиях покойного Озерова, какой-то псевдоним «Старый Волк» уверял, что росомах в Томской губ. нет, а мы охотились в 80-ти верстах от г.Томска. - Авт).

Наконец, добрались к стану, близ которого Андрей Шелехов осенью добывал кедровые шишки, стрелял рябчиков и белок и случайно нашел берлогу, находящуюся от его временной квартиры в 70-100 саженях не более.

Тут мы переправились и проехали еще с 2 версты, где и оставили лошадей, взяли собак на сворки и побрели гуськом по довольно глубокому снегу без лыж.

Расстояние 30-40 сажен прошли мы довольно скоро и, не доходя 10 саж. до берлоги, я предложил спутникам остановиться и держать собак, а сам пошел с Андреем осмотреть положение берлоги и занять удобное для обстрела место.

Берлога оказалась выкопанною под лесину; на нёбе лежали две сухостоины; широкое чело выходило на северо-восток, в двух шагах от которого выросла пихта вершка в 4.

Завел я курки и дал знать пускать собак. Те ринулись к челу, а Лушка влезла вся в берлогу, подняв свирепый, отчаянный лай.

- Рад, несказанно рад: берлога не пустая.

Шарик суетился, лаял, но в берлогу не лез. Лушка же скрывалась вся под землю, выскакивала и с новой отчаянностью кидалась опять.

Но странно для меня было то, что медведь не показывался и не рюхал, так что нельзя было определить его возраста. Тогда я приказал срубить жердь и зондировать его сверху, что и было исполнено немедленно.

Сверху оказалось отверстие, образовавшееся между двумя упавшими деревьями против настоящего чела, так что настоящее чело от видимого находилось в 2 1/2 аршинах далее под вторым, упавшим деревом, где медведицы и выработали себе обширную берлогу.

Наконец, медведь «рюкнул».

- Э, господа, подходите сюда ближе, медведь не большой, судя по его голосу, - обращаюсь я к офицерам, - теперь надо собак взять от берлоги: он сам вылезет, - и начинаю ловить собак.

Шарика поймал и отдал держать, но язва Лушка не дается, стоит в самом челе и лает. Только хочешь ее поймать, она вся влезет в берлогу, т.е. никак не дается.

Мужики оказались, как в большинстве случаев, порядочными трусами: к челу не подходят. Одному держать ружье наготове и поймать, а главное удержать такую сильную и злобную собаку, как Лушка, довольно неудобно. Просто канитель, да и только.

- Ширяй, - говорю Андрею, - попадешь в бок, вылезет. И действительно, после нескольких ширяний колом в берлогу выскакивает лончак, которого я слышал.

Целю за ухо. Чик - осечка, беру под правую лопатку прыгающего за Лушкой медведя. Выстрел грянул. Лончак делает крутой прыжок влево, Лушка его догоняет и валит за ухо. Очевидно, медведь ранен смертельно, но имеет силы еще подняться.

Я выхватываю берданку у Шелехова, отдавая ему свое ружье, и стреляю еще раз под лопатку. Мишка падает, Лушка тянет его, поместившись в щеку. Хваленый же Шарик лает, а зубом и лежачего зверя не берет. Ну, думаю себе, хорошо, что не медведь, а медведишко, будь бы путный зверь, дал бы он себя знать.

Гляжу, опять лончак подымается.

Корнет Маслов спрашивает меня:

- Позвольте стрелять его из револьвера?

- Только в голову и осторожно, не заденьте собаку, - отвечаю ему.

Последовали несколько выстрелов.

Вся пачка расходует, а мишка все еще шевелится. Что за притча?

Выхватывая нож, подскакиваю к нему сзади, беру левою рукой за ухо и ударяю ножом под лопатку.

Вот и finita la comedia.

Каково же было мое изумление слышать от Андрея, подбежавшего ко мне с испуганным лицом:

- Барин, в берлоге еще медведь урчит. А у меня и ружье не заряжено.

Первым делом взвожу курки и надевая свежие пистоны, заряжаю левый ствол. Затем беру в руки Лушку немилосердно рвущую убитого медведя, и кидаю ее к челу берлоги. Та, учуяв, начинает кидаться и лаять в берлогу. Что за оказия такая? Какой может быть там зверь; не иначе, как одногнездник убитому, т.е. лончак.

Мне в голову не приходило, что медведица с пестуном находится в берлоге, так как всегда из берлоги первая выходит медведица, пестун и потом молодые. Со мной бывало несколько случаев, что убьешь медведицу, а поколение ее не показывается из берлоги. Почему я всегда, убив зверя, смотрю его пол, и если окажется самец, то более в берлоге медведей нет. Если же самка, то скорее кидаешь к берлоге собак, которые тотчас констатируют - холостая или семейная. Делаю исключение

весной, т.е. с февраля месяца; тогда, если убьешь медведицу,мотришь у ней груди, находящиеся под передними лапами: коли они полны и сосок торчит, следовательно, у нее маленькие медвежата. В таком случае собак следует привязать и самому взять молодых руками, спустившись в берлогу.

Опасаться встречи с пестуном нечего, ибо медведица, обгулявшись, ложится в берлогу одна, и никогда пестуна с собой не кладет, а находит его по выходе из берлоги.

Я сказал, что обращаю внимание весной у медведицы на соски, расположенные под передними лапами. Это не значит, что у ней только два соска. Она имеет еще два на животе под задними ногами, но этими она редко кормит и они не наполнены молоком. Если же медведица имеет более двух молодых, то и задние сосцы работают.

Собака мечется в берлогу, но медведь голосу не подает.

Андрей ширяет колом сверху берлогу, но ничего не слышать, что меня окончательно убеждает, что юнец зажался в берлоге и боится вылезти на свет Божий.

Вдруг Лушка отскакивает от чела и за ней с приложенными ушами появляется большая (16 п. 20 ф.) бурая медведица.

Я целю за ухо из правого - осечка.

Медведица скачками с ревом мчится за Лушкой. Я стреляю по ребрам из левого - зверь как бы задержался, но опять кидается за Лушкой.

Шарика зверь не видит.

Эх, вспоминаю моих орлов - Мишку, Собольку! Нет, вот когда потасовка началась бы могучему зверю, настал бы момент любоваться редкою живою картиной...

Я скорее надеваю пистоны на обе капсульки и всыпаю порох в левый ствол, запыхнул, опускаю руку за пулей, слышу рев близко - вскинул глаза и вижу: разъяренный, раненный зверь несется мне на штык.

Стою один на чистом месте.

Взвожу курок, беру на прицел и напускаю медведя в 2 саж., целю в лоб, совершенно уверенный в роковом результате выстрела, и - осечка.

Кидаю ружье в сторону, рассчитывая, что рассвирепевший зверь схватится за ружье, а сам хочу вырвать кинжал из ножен.

Не так-то вышло - медведица броском кидается ко мне по-собачьи и схватывает меня за ногу повыше колен зубами.

Рванула, начав трясти, потом, оперевшись левою лапой, занесла правую - сорвать мне череп.

Видя неминуемый конец моим гастролям, я схватил правую рукой ее под горло, левую положив на шею, желая защитить затылок от ее маневра сорвать череп. Она задела мне лишь ухо.

Сижу под грудью медведя, имея правую ее лапу у бедра, видя над собой ее маленькие, зловещие глазки и окропленную мою кровью пасть, держу ее правой рукой, не давая ей возможности достать мой череп и кричу: «стреляй», «стреляй», надеясь на берданку Шелехова, но ни звука. Впрочем, слышал: щелкнул револьверный выстрел. Оказалось, офицеры стреляли, но я не слышал, сколько раз. Что такое? Еще медведь рывкает где-то близко и вижу (о, мое спасение), несется Лушка; поставив свои острые уши, круто подняв пушистый хвост, и, подскочив к медведице, схватывает ее в зад, начиная немилосердно рвать.

Зверь внял приему собаки и бросился за ней, а другой медведь на одном месте топчется, стал на дыбах и орет благим матом. Медведица же, прогнав Лушку, ринулась на корнета Маслова, стоявшего в 10 шагах от меня; тот бросился, запнулся и упал, но лихая Лушка опять вцепилась в зверя, чем спасла Маслова от передряги, почему после он, ее лаская, прозвал своей «спасительницей». И правда, не будь ее, могло бы выйти много хуже, чем теперь.

Я встал на ноги, вырвал нож, оглянулся кругом и увидел Шелехова, стоящего от меня в пяти шагах с ружьем в руках, спрятавшегося за дерево.

- Куда ты? - крикнул, обращаясь к растерявшемуся Мишке, который, обратившись назад, удрал.

- Что ты не стрелял медведицу? - спрашиваю Шелехова. Отвечает: боялся вас убить вместо медведя. - Хорош. Впрочем, я лучшего от мужика и ожидать не могу.

- А что пестуна не стрелял? - задаю вопрос.

- Нешто лъзя стрелять, коли он на тя смотрит в ту пору; на дым кинется, - оправдывается охотник - это еще лучше.

Слышу, Лушка вскруживает медведицу, но без помощи по глубокому снегу остановить не может.

Обращаюсь ко всем: «Спрячьтесь, как бы медведица не вернулась».

Тут все бросились спасаться, кто на дерево, а то и за дерево.

Действительно, как полковник выразился, зверь хуже японца: берет без всякой тактики, прямо «с бацу».

Я стоял на том же месте, где получил передрягу, ощущая острую боль в ноге и плече, не имея возможности двигаться, все-таки ожидая еще раз сразиться с медведицей, приняв ее на нож, хотя успел зарядить ружье, на которое была плохая надежда, так как оно замкнуло, пролежав некоторое время в снегу.

Обращаюсь к Шелехову со словами: «Посмотри в ельник, наверное в нем пестунишко: далее не пробегал, мне видно было». Шелехов стал приближаться к указанному мною месту и по его

выглядыванию и прицеливанию я вижу, что он зверя видит, но не стреляет. Потом слышу - затрещало и тогда охотник прицелился и выстрелил.

В сидячего медведя побоялся, а в удиравшего - пальнул и, разумеется, мимо.

Через несколько времени вернулась Лушка.

Явился и вопрос: что делать?

По-настоящему, следовало бы идти добить медведицу и гнаться за пестуном, но исполнить это не суждено было по многим уважительным причинам, а именно: 1) болезненное состояние моей ноги, в которую проникли 4 полуторадюймовых клыка, вследствие чего кровью наполнилось половина валеного сапога. Двигаться я почти не мог. 2) Ружье мое замкнуло и на верный выстрел рассчитывать нельзя было, а у Шелехова была берданка, но патроны отказались попасть в затвор. 3) С одной, притом утомившейся собакой преследовать раненного зверя опасно, достоинства Шарика всем были очевидны. Г.г.офицеры вооружены были одними револьверами Браунинга и Смит и Вессона.

Итак, отправились домой.

При помощи мужиков я притащился к лошади, взгромоздился на седло и вся кавалькада тронулась.

Только сидя на лошади, я стал припоминать все происшедшее и благодарить судьбу за такой сравнительно мало трагический финал охоты.

Могло бы быть много хуже и печальнее. Несказанно рад, повторяю это и сейчас, что медведица напала именно на меня, я как-то не растерялся, успел схватить медведицу рукой, не дав меня подмять; помогла и моя силенка, главная же спасительница меня и еще кое-кого - Лушка. Не будь ее, плохо было бы.

Поломавши меня, она бросилась бы на другого, желающего защитить меня, и так далее. Повадка раненного медведя известна сибирякам-охотникам, почему Шелехов и боялся стрелять ее, когда я с ней боролся. Случаев таких масса. Был подобный случай лет пять назад в том же с. Ле-бебянке, да и не один раз: с кр. Андреем Логиновым, Федором Князевым, Чистяковым и др.

Ехать верхом, опираясь на одно стремя, по тайге не совсем удобно. Я старался оберегать ногу от всякой ветки, куста, могущего задеть ее, так как всякое прикосновение причиняло невыносимую боль в отекающей ноге. Деликатная предусмотрительность, внимание моих товарищей по охоте трогала мою черствую, нелюдимую, замкнутую натуру, хотелось скорее приехать и раздеться.

Вдруг ехавший впереди меня полковник остановился, и все сгрудились.

- Что случилось, князь? - спрашиваю я полковника.

- Вот погодите, А.Н. вам непременно надо выпить рюмку водки, лучше будет, подбодрит, - обращается ко мне добрейший князь, наливая из походной фляжки стаканчик холодной монополюшки. Я благодарю за внимание и отказываюсь, но все настаивают, я покоряюсь и опрокидываю студеную водку; по всем жилам побежали мурашки и ударило в жар.

Все выпили по стаканчику и тронулись в путь, который проехали часа два, не более; всего от берлоги до с.Лебебянки было верст 10-12.

Селом я поехал рысью, опередив товарищей, спеша скорее добраться в хату и тепло.

Остановившись у крыльца, я закричал, чтобы вышли меня принять, чувствуя невозможность без посторонней помощи слезть с коня.

На зов мой выбежала напороочившая мне беду Сашенька, удивившаяся моему желанию опереться на ее плечо, не понимая, в чем дело.

Помог мне полковник и добрейший корнет спуститься с седла и войти в избу: левая нога действовать отказывалась.

Первым делом я разделся, интересуясь посмотреть результаты хватки на плече и ноге.

Полковник хотел еще собственноручно сделать первую перевязку в тайге, но я уверял, что это пустяки и не стоит терять время, теперь же он настоял, видя широкие раны, послать тотчас за доктором на каменноугольные шахты, находящиеся в 3-х верстах от с.Лебебянки, что и было тотчас исполнено.

Мы закусили с удовольствием. Я был уверен, что на другой день буду в состоянии ехать окончить охоту, для чего послал в Пухаревку за Соболькой, а корнета Маслова просил заехать ко мне в Томск «передать записку, чтобы прислали мне Мишку и тройник Зауера с гильзами, заряженными пулями».

Простились с князем, который поехал на Дальний Восток, обещая заехать ко мне на возвратном пути и прося оставить щенят от Лушки, которой восхищался, говоря, что таких собак он не только не видел, но о существовании подобных и не слышал.

Я остался один в ожидании врача, которого на шахтах не оказалось, и вместо него приехал фельдшер. Осмотрел раны, промыл их и советовал ехать скорее в Томск для радикального лечения, так как может произойти нагноение, заражение крови и проч. прелести.

Всю ночь я не спал от боли, а наутро нога опухла и наступить на нее я не мог. Надо было внять совету эскулапа и ехать в Томск, что я и не приминул исполнить, распорядившись следующим образом.

Убедившись, что Шелехов трус, а на племянника его тоже надеяться я не мог, так как свой характер он мне не имел случая показать, почему я послал за Александром Кузмичевым, ранее служившим у меня охотником, которого описал французский путешественник, профессор

Бордосского университета Sules Yebros, в своем сочинении «В Сибири», ездивший со мной на глухаринные тока.

Кузмичев стреляет из винтовки очень хорошо, охотник смелый и выдавший мое обращение со зверем и собаками, почему я доверил ему свое ружье и любимцев-сподвижников собак, но так как Мишка и Соболька еще не прибыли, то я распорядился предварительно обойти без собак круг, а потом уже идти с двумя или тремя собаками искать раненую медведицу и убежавшего пестуна. Сам же с сокрушенным сердцем уехал на вокзал ст.Судженки.

На руках меня внесли на вокзал и таким же способом я попал в вагон. Прибыв на ст.Тайгу, меня внесли в вокзал, где меня встретил милейший студент технолог С.Н.Торбеев, везший ко мне Мишку и трехстволку. Весть о происшедшей со мной катастрофе быстро разнеслась на вокзале, но служащие, знавшие, что я езжу часто на охоту за медведями, всегда один с собаками и всегда благополучно возвращаюсь, не верили в возможность поранения меня медведем, приходили справляться о случившемся.

Меня положили на диван в I классе, вскоре около меня собралось общество моих знакомых и подошел ко мне симпатичнейший полковник артиллерии Григорий Федорович Чепурнов, едуший на войну с японцами, бывший председатель рижского отдела Императорского общества прав, охоты.

Это солидный, страстный охотник и дельный организатор охотничьего кружка, так высоко поставивший Рижское общество охоты, особенно его пулевую стрельбу по движущимся мишеням и пр. Дай-то, Бог, ему благополучно возвратиться из далекого и трудного путешествия. Горячо я простился с ним, обещая приехать весной в Манчжурию, если удастся, т.е. возьмут...

После меня Александр Кузмичев с обоими Шелеховыми пошли искать медведицу. Лушка ее скоро учуяла и Александр выстрелом промеж глаз окончил ее существование. Пестун ушел далеко, но его обошли и он остался до моего выздоровления бодрствовать.

Я лежу и досаую, что не удалось ехать в Москву и побывать на XXXI выставке собак Императорского общества охоты, где мечтал показать своих любимцев.

Многие винят моих спутников, т.е. крестьян Шелеховых в трусости, благодаря которой я попал в объятия медведицы. Виноват единственно во всем один только я. Не я ли писал и доказывал, что охота на медведя возможна, приятна и картинна с двумя-тремя собаками - и вдруг очутился на охоте с одной: верить в способности Шарика не имел права, не убедясь лично в его качествах, как не следует верить в сказки крестьян-охотников.

Убив первого зверя, надо было скорее разрядить правый ствол или, проковыряв иглой, подсыпать пороху и потом уже кончать с ними. Отдал же я ружье, не зарядив его, был уверен, что лончак один, так как никогда он не выходил ранее медведицы.

Не следовало кидать собаку к берлоге, не зарядив путем оба ствола, на выстрел коих я надеялся как на удар ножа.

Уверенность в ружье, собственную силу и ловкость лишили меня удовольствия посетить московскую выставку 1905 г. и заставили лежать месяц в постели, но все-таки я получил массу удовольствия и был так близко с грозной мохнатой дамой.

г. Томск, 3 января 1905 г.

Глава IX

Как я уже писал раньше, в этом году около Томска медведи появились в изобилии. Редкая деревня, прилегающая к тайге, избежала их посещения и опустошения.

Начался «ход» медведя с начала августа - зверь пошел из негостеприимной для него тайги в места населенные, где он надеялся набрать жирку для зимней лежки на овсах и крестьянском домашнем скоте, так как в тайге и болотах для него питательного суррогата не было по причине неурожая кедровых шишек, смородины, брусники, малины, черемухи и др. ягод.

Много бед и убытков наделало это нашествие крестьянам и очень немного мишек поплатились своей шкурой за смелость, побуждаемую аппетитом к овсу и домашнему скоту.

Обыкновенно медведи ознаменовывали свое появление, убивая несколько лошадей и двух-трех коров. Обыватели тотчас делали лабазы вблизи убитой скотины, и непременно компанией в 2-3 и иногда 4 человека, вооруженные различными самопалами, предварительно выпив «зелена вина» для смелости, забирались на лабаз до заката солнца; курили, шептались, смеялись, иногда выпивали, одним словом, не «таились». (Прим. - Лабаз - - это род полатей, устраиваемых между двух-трех деревьев, на высоте 5-7 арш. от земли. Кладутся две перекладыны, служащие основанием сооружения. Поперек их ставят рядом жерди, а если под рукой есть доски, то употребляют их, на которые и садятся охотники. Для удобства должно пропускать жердь для упора ног, так как на лабазе следует сидеть, а не лежать. Сидя, удобнее обозреть местность и стрелять в подошедшего зверя, и оборотиться, если медведь показался с противоположной стороны от падали. Наконец, не устают ноги. Кругом лабаз, особенно позади и спереди сидящего охотника, непременно нужно огораживать ветками. Спереди он увидит, если не огорожено, а если придет ночью и нет веток позади сидящих, то на горизонте выделяются силуэты сидящих, что медведю, находящемуся внизу, делается заметным и он уйдет моментально, - не успеешь сделать по нем выстрел. - Авт)

Часто заставляли медведя, уже кушавшего убитое им животное. Скрасть, подойти поближе на верный выстрел они боялись. Стреляли далеко, зря или производили шум. Медведь удалялся, охотники же взлезали на лабаз в ожидании вторичного прихода лакомки.

Если медведь не наелся и его не очень пугнули, то он приходит большею частью около полуночи или на утренней заре; но раз он насытился, то не явится в эту ночь, а через ночь, если у него нет давленной еще скотины где-нибудь поблизости.

Бывает, и не редко, что ночью придут другие медведи, чаще - медведицы с детьми.

Редко медведь подходит к падали «с бацу», т.е. прямо, идя смело. Он обыкновенно шествует осторожно, крадется, останавливается, прислушивается подолгу, стоя или лежа на одном месте. Употребляя эти предосторожности, ему часто удается учуять, вернее выразиться - услышать присутствие человека и тогда - конец: просидят впустую, а если он и покажется, то далеко или в чаще.

Крестьяне, как я говорил уже, прежде постараются сами убить медведя - и ходят сидеть несколько ночей подряд. Разумеется, сделают несколько выстрелов, которые напугают медведя - это наверное, а иногда ранят его. После этих неудачных личных попыток, видя, что им медведя не убить, а он, напуганный и потревоженный на одной падали, убьет себе другую, тогда мужички начинают приглашать охотника, имеющего путных собак и бивавшего медведей, будучи уверены, что, как собаки подбегут к падали, так и причуют медведя, по их понятиям, лежащего недалеко.

Таких приглашений я получал в этом году множество, но так как они приходили в мое отсутствие, обыкновенно по телефону, то разузнать путем не доводилось, а выбираешь место для охоты там, где нет охотников-палил и удобнее средства передвижения.

Вняв усердным просьбам, не успев отдохнуть от далекой поездки по дождю и грязи, переменишь собак и едешь опять, уверенный, что медведя угнали, хотя просители говорят: «Вечерсь заломал коня, никто его не стрелил».

Приехав на место, узнаешь, что задран конь пять дней назад, а по медведю стреляли 5-8 раз, и вот две ночи, Бог миловал, не приходил. «Ну, да ваши собаки найдут».

Не тут-то было, медведь перекочевал в другую деревню, верст за 10-15; ходишь, ходишь по поскотине, облазишь притонные места его отдохновения, которыми являются уголки, трудно проходимые, увидишь место убийства коровы или лошади, которое узнаешь по воронам и сорокам, доклевывающим остатки медвежьей трапезы; полюбуешься на различных величин и полов следы медведя, полазишь по его тропам, измучив собак, и вернешься усталый, изодранный домой, не солоно хлебавши. Но что прикажете делать - охота. Нет, это не спорт, а болезнь, страсть, психоз своего рода.

Только я приехал с подобной охоты, как меня зовут в с.Воскресенку и Березкину. В обоих местах ходят медведи. Бе-резкину я знаю, а Воскресенку нет, так что решаю ехать в последнюю деревню, но утром за мной нарочно приезжают два мужичка, и я, взяв трех собак, еду. Грязь непролазная, хорошая пара коней с трудом везет легкую тележку с двумя седоками.

Надо было проехать до д. Ключей 43 версты, которые рассчитывали сделать в один день, но пришлось ночевать на дороге. Часам к 10 утра добрались в Ключи. Скоро явились жалобщики, у которых медведь задрал скот. Узнаю, тоже сидели на лабазах компанией, медведь приходил, его стреляли, он рывкнул и убежал, после чего задрал еще коня. Мужички пасут позади огородов всякий свою скотину, так как пастух отказался пасти стадо, боясь нападения медведей.

Выслушав рассказы, убеждаюсь - медведя отогнали опять мужички-охотнички.

Напившись чаю и закусив, отправился в лес с провожатым, уверявшим, что медведя найдем лежащим у падлы.

Что я увидел, тому не поверил бы никогда и никому.

Оказывается, немроды вырыли яму в четыре аршина квадратных и глубины 5 аршин, на нее положили две толстых слег, которые перекрыли сучьями тальника, а на средину этого сооружения втащили убитую медведем корову, привязав ее веревкой за ноги и голову к лесине.

В четырех саженьях от импровизированного жертвенника устроили лабаз между двух берез, сажени в четыре от земли, сзади и спереди не загороженный, так что медведь должен увидеть ранее, чем подойдет к сооружению, сидящих людей.

- Для чего это сделали? - спрашиваю я.

- А как же, значит, он придет, запустит в животину когтищи, потащит к себе, а веревка-то не пустит; он осердится, упрется другой-то лапой, оборвется и бултых в яму, тогда уже мы его и заколотим.

- Мудрено и хитро, да и работы немало, но только медведь - зверь осторожный и умный и в такую наивную ловушку не пойдет, - говорю охотникам.

Предсказание сбылось: медведь, оглядев хитро придуманную западню, не пришел и совсем отдалился.

Над лошадью, убитой у крестьянина Пупышова в той же деревне, охотники придумали не менее интересную штуку: вырыли яму в пол-аршина глубины, 3 арш. длины и 2 арш. ширины.

Отступя на аршин, по углам вбили вилки на 4 вершка от земли. В рогульки, выходящие наружу, положили слег, так что образовался квадрат. На слег положили ряд березовых жердей с

неочищенной корой. Этим помостом была совсем закрыта убитая лошадь. В 5 саженьях устроен громадный лабаз на голых лесинах - не закрытый.

- Это что такое? - задаю вопрос.

- А это, чтобы птица и собаки не растаскали мяса, да и на белом ночами виднее будет, как учнет разваливать помост, что бы добраться до упавши; тут ему раз и дадим.

- А приходил ли зверь-то?

- Нет, ништо не бывал, леший его унес, знать, - отвечает мне охотник.

Походил с собаками по болоту, дрязгу, гари и, разумеется, ничего не нашел.

Наутро отправился в тайгу, где встретился мне татарин, рассказавший, что на заимке в 15 верстах вчера убил медведь коня; охотников нет.

Я, понятное дело, тотчас направился туда.

Дорогой убил глухаря да 5 рябчиков. Последних можно было убить больше, потому что день был теплый, безветренный, рябок отзывался на пищик хорошо, но собаки его гоняли и он улетал далеко, забираясь в макушки самых высоких кедров и пихт, где затаивался.

Ошибочно пишет г.Ивашенцов в своей книге, что лайку употребляют на охоту за рябчиком: промышленники, идя рябковать, никогда собак с собой не берут. Разумеется, сам г.Ивашенцов никогда рябчиков из-под лаек не убивал, так как рябок не только лая собак не выдерживает, но, увидев ее бегущую, улетает.

Пришел на заимку около 4 часов дня и услышал следующее: хозяин заимки стал искать своего коня, не пришедшего ночевать, и отыскал его по сорокам и воронам, летающим над ним; подойдя ближе, увидел медведя, лежащего возле убитого коня.

Тогда мужичок скорее дал тягу, хотя был вооружен одноствольным харчистым ружьем, заряженным жеребьем.

Прибежал домой и надумал пригласить соседа, живущего в 2-3 верстах. Вскочил на коня и поскакал за товарищем, которого застал дома.

Оповестил о своем несчастье и плане мщения, соседи отправились делать лабаз.

Подходят приятели к месту, где медведь убил коня, и видят топтыгина обедающим. Надо стрелять, но куда?

- Вестимо, в башку пали, а как встанет, я тогда его в лопатку попужну, - говорил хозяин убитой лошади.

Приятель целит в голову и делает выстрел. Медведь вскочил, сделал прыжок и остановился. Тогда пасечник наводит свою фузею в лопатку стоящему зверю, стреляет и медведь благополучно убегает.

Ахи и охи: помешала лесинка, давно ружье было заряжено и проч. причины, оправдывающие пудель, находятся; но дело совершилось, медведь ушел невредимым. Надо приступить к сооружению лабаза. Сделали его между двух берез - от зари и не загородили от убитого коня в 5 саженьях - и пошли домой, в это время я прибыл с собаками, о действии которых пасечники слыхали.

Как водится - чай и рассказ об их выстрелах, башке «огромнейшей» медведя и проч. Все это я выслушал и говорю, что на лабаз им идти нет смысла, так как ночь будет темная - глаз коли, не видать, а медведь придет в полночь (большею частью так бывает) и мимо дать немудрено. Они настаивают идти на лабаз и зовут меня с собой; я положительно отказываюсь идти вместе и решаюсь отправиться с парнем лет 15, который должен изображать прожектор, но не электрический.

Моих собак привязываем на цепях в сенях пасеки.

Подойдя к лабазу еще засветло, вижу, чернеется, а паренек говорит: «Тутотка». Схватываю с плеча ружье, взвожу курок, не сводя глаз с трупа коня, и вижу убегающую черную собаку, которая приходила есть свежую говядинку.

Парень летит на лабаз и спускает мне веревку, на конец которой я привязываю ружье и шубу; все это он подымает, а затем и я карабкаюсь по березе на лабаз.

Начинает смеркаться и морозить. Ух, не люблю я эти охоты, когда приходится сидеть и ждать.

Все разложив по порядку, т.е. ружье, топор, бересту, спички сунув в карман с часами, я приготовился коротать долгую, скучную, холодную, темную осеннюю ночь.

Смеркнулось, вдруг слышу шорох, напрягаю слух и зренье, ожидая увидеть медведя, но появляется собака и начинает нюх-тить, парень кидает в нее с лабаза хворостиной и она убегает. Все-таки развлечение. Темнеет и морозит, но тихо; начинают теплиться звездочки на небе, предвещая на утро хорошую погоду.

Я вглядываюсь в тушу коня, но ее едва видно, несмотря на то, что лишь восьмой час; ругаю себя, за что обрек себя на пытку мерзнуть с 6 до 4-х час. утра.

Прокричал филин где-то в согре, росомаха, шатаясь, начала гоккать, чуя далеко падаль. (Прим. - Согра - лесная грива среди болота. - Ред. Росомаха кричит по осени довольно громко: гок-гок-гок. Как она кричит весной и во время течки, не знаю. Осенью слыхал много раз ее характерный, гнусавый голос. - Авт)

Сон меня одолевал, глаза смыкались, чувствую - усну; тогда я шепчу соседу, чтобы он меня разбудил, а я вздремну; едва я половчее прижался к березе, слышу - треснуло. Не медведь ли, задаю себе вопрос, а сосед меня берет за плечо, шепча: «Чу!»

Несколько времени спустя треснуло еще. Действительно, это медведь идет, так как звук произошел от перелома крепкого сучка. Смотрю на падаль, но ее не видать, даже двух березок,

положенных мною углом близь коня заметить нельзя. А слышно, медведь подходит осторожно, чухает, набирая в себя воздух, потом сразу выпуская его. Вот он остановился и лег. Знаю, что не более 15 сажень до него, но зги Божьей не видать, не только верного выстрела, будь это днем, но и случайного, на авось стрелять нельзя.

Сижу, трапещу и жду, не чувствуя мороза, пробирающегося под полушубок, а мишка лежит на одном месте и почухивает.

Слышу, кто-то бежит с другой стороны. Очевидно, собака подскочила и давай чавкать падаль, странно не учуя лежащего недалеко медведя.

Такой дерзости мишка не стерпел. Как бросится к своей «убоинке» да зарюхает, собака опрометью, а он подбежал к коню, дернул его и давай есть, только кости затрещали в его могучих челюстях.

Слышу, понимаю все это, но ничего не вижу. Шепчу соседу: «Зажигай», - и сую ему коробку со спичками. Тот чиркнул, а я держу ружье наготове. Напротив береза, ничего не видать, да и огонь от спички мал и вдаль осветить не имеет силы. Вглядываюсь и вижу медведя, сидящего ко мне боком, упершегося лапами в падаль. Только вскинул ружье, спичка потухла.

«Зажигай бересту», приказываю соседу, а медведь продолжает свою трапезу, не обратив внимания на свет.

Береста вспыхивает, но дым и копоть мне прямо в глаза; говорю: «свети в сторону»; пламя громадное осветило местность и медведя, изумленно подымающего башку. Я вскинул, но не успел приложиться, как горящая береста падает вниз; медведь делает прыжок, я стреляю наугад. Слышен только треск сучьев от убегающего зверя. Разумеется, пудель, как надо было ожидать.

Счастье было так близко и возможно, но - увы! всему помеха темнота.

Уйти нельзя, надо сидеть до утра и мерзнуть в темноте.

Какое же было мое удивление, когда в десятом часу я услышал опять треск. Мишка вернулся, но к падали не подошел, а проходил всю ночь неподалеку. Раз шел под самым лабазом, но угледеть его я не мог. Ляжет, чухает, наберет в себя воздух и выпустит, протяжно издавая род сопения или хриплого свиста.

Около 2-х часов перед зарей заржал конь на пасеке. Медведь встал и пошел к нему. Мои собаки, учув зверя, залаяли, стали выть. Пасечник выскочил в сени, стал их уговаривать, но они, ошестинившись, рвались на цепях. Конь ржал. Пасечник догадался взять ружье и выстрелить в пространство. Медведь, находившийся вблизи, убежал в согру.

На рассвете я с пареньком слезли с лабаза и бегом отправились греться в хату. Я, как пришел, так и лег и захрапел.

Проспав до пяти часов, напился чаю и пошел искать ночного бродягу с собаками.

Обошел поскотину по горе, вышел на пашню. Смотрю, все три собаки кинулись к речке в согру и скоро залаяли в болоте. Я к ним. Очевидно, нашли медведя, который пошел болотом, поросшим лесом и покрытым громадными кочками.

По такому месту преследование зверя очень трудно, как самому, так и собакам. Медведь прыгает с кочки на кочку, а собаке подобраться к нему нет возможности. Я то и дело спотыкался и падал, весь изорвался, но все надеялся, что где-нибудь выйдет на пути грива или покос, рассчитывая, что там собаки задержат мишку.

Гнали собаки медведя более трех верст болотом, но задержать не могли, хотя зверь бежал не шибко, все время у меня на слуху. Но вот кочки стали реже и мельче, стали попадаться сосны и началась почва покрепче; собаки стали чаще подбираться к зверю. Слышу, отчаянный лай и ворчанье зверя. Бегу, что есть мочи, и вижу средней величины медведя, стоящего задом к муравьиной куче, а кругом трех собак, приноравливающихся схватить медведя, но, видя его, готового дать оплеуху, только неистово лающих.

Мне скрасть из-за лесины по мшистому болоту, поросшему брусникой, не представляло особенной трудности. Вспоминая на лабазе описание француза охотника г.Фоа, в превосходном переводе Н.С.Романовской в «Природе и Охоте», и его совет стрелять в зашеек, я решил ему последовать, и действительно, эффект полный. После выстрела медведь сунулся сразу, собаки на него и давай вымещать свою ненависть и злобу на бездыханном богатыре.

Вспоминал я г.Фоа и его советы на ночных охотах употреблять электрический прожектор, этот необходимейший аксессуар охоты в темные осенние ночи.

Хорошо, когда полнолуние, тогда медведя видно отлично, но в темные ночи, хоть не ходи - авось и вернейший пудель, это одна из причин, почему на лабазах стреляют часто, а убивают редко. Вообще эта охота не в моем вкусе, хотя упустить случай поохотиться на медведя я не допускаю себе лично. Осень в этом году должна быть длинная по многим охотничьим приметам и надеюсь еще поохотиться на медведя и сообщить кое-что из охот, наблюдений и воспоминаний.

Что меня интересует, так это следить за направлением чела берлог.

Доживем, посмотрим. Что увидим, опишем.

г. Томск, октябрь, 2 дня 1905 г.

Глава X

Охотясь за долгоносиками около дачи в продолжение лета довольно удачно, я досадовал на дождь, ливший сутками не переставая, благодаря чему травы были высоки, густы, а в тайге положительно непроходимы, так что рискнуть на поездку за медведем с лайками я не решился, хотя слышал о единичных жертвах его хищений из домашнего крестьянского скота и лошадей.

В конце августа приезжает ко мне пасечник из тайги с просьбой ехать убить медведя, сломавшего у него три колодки пчел и задавившего большую корову. Старик уверял, что зверь «большущий и черный», как вороново крыло.

Соблазн был велик, хотелось промять собачонок и попытаться счастья - на собак я надеялся, но боялся густой травы, затрудняющей движения собак.

Тем не менее я решил ехать, с чем и отправил пасечника, а сам поспешил в Томск к Г.К.Решу, страстному и смелому охотнику на медведей, убившему прошлой зимой трех медведей на берлогах. Столько медведей не убивал ни один томский охотник.

С ним я познакомился прошлой зимой и он интересовался посмотреть на работу моих собак, слышавши от таежников про их приемы и количество убиваемых мною зверей, единственно благодаря собакам.

Одним словом, здесь нет по медведю другого страстного охотника. Много раз я его приглашал с собою на берлогу, но все кто-нибудь его задерживал. Так и в этот раз я его не застал дома: он уехал на охоту с собакой за тетеревами.

Жаль, но делать нечего, поехал я один с двумя собаками.

Кое-как добравшись по ужасной дороге к пасечнику уже ночью, я устроил собак, а сам, плотно закусив, улегся спать, поставив заряженное ружье рядом на случай ночного визита медведя к пчелам.

Старик отправился караулить, т.е. уселся в сенях, из которых окошечко выходило на пасеку, но, разумеется, увидеть из него зверя в темную ночь было невозможно, услышать же его появление - нетрудно.

Спал я отлично и проснулся на заре, вышел в сенцы и увидел сладко спавшего старца в сидячем положении у окна.

Отняв засов у дверей, направился в пасеку убедиться, был ли ночью медведь. Оказалось - все цело. Жерди в заборе не изломаны, только валялись три колодки, ранее разбитые медведем.

Полюбопытствовал я узнать, каков медведь, что не трудно было видеть по оставшимся знакам на колодке от когтей. Оказался, на мой взгляд, зверишка средних размеров и далеко не огромный, как уверял пасечник.

Вернулся в избу, разбудил старика, приказав ему ставить самовар, а сам пошел в хлев навестить и покормить собак, которым предстояла трудная работа в продолжение дня, - бегать и лазить по тайге, заваленной буреломником, поросшим гигантской травой, крапивой, малинником, перепутанным диким хмелем, повиликой и другими вьющимися растениями. Одним словом, ход трудный.

Напившись чаю, мы отправились, т.е. я в сопровождении пасечника, знавшего, где медведь днюет, по его уверению, что оказалось ошибочным.

Я тянул идти навестить задавленную медведем корову, полагая найти его там.

День выдался серенький, тучки висели на небе низко, но дождя не было. Тайга безмолвствовала в своем угрюмом величии.

Собаки бросились в лес, а мы стали пробираться узенькой тропочкой, загроможденной валежником.

Трава была помята медвежьими тропами, способствующими риску собак.

Ходили мы с утра до ночи и нашли массу рябчиков, из которых я убил трех, и глухаря, облаянного собаками. Медведя не нашли.

Старик сопровождал меня до 12 ч., устал и, нагруженный глухарем, вернулся на пасеку. Я странствовал один, наслаждаясь и ожидая услышать знакомый лай собак по зверю, но напрасно.

Солнышко показалось перед закатом, окрасив запад багряным цветом, предвещающим на утро ветреную погоду.

Зашел я далеконок, ночевать же надо было на пасеке, так как со мной пищи себе и собакам не было. Взял я направление - прямо, и не пошел, а полез домой.

Уже смеркалось, когда я перешел ручей, впадающий в р.Яю, на котором стояла гостеприимная пасека.

Придя в избу, разоблачившись, запер я собак, предварительно накормив их досыта. Позаботился и о себе: есть хотелось, как волку зимой. Усталости уже я не чувствовал, несмотря на целый день ходьбы без отдыха.

Добродушный пасечник ахал и охал, ругая на все лады «бусурмана зверя», не попавшегося собакам, и стал меня угощать «супчиком из рябчиков», имевшим вкус необыкновенный, которым я утолил свой голод, не желая притронуться к колбасам и пр. холодной закуске, привезенной мною из Томска.

После «супчика» я выпил пять стаканов чаю с душистой таежной малиной, намереваясь рано утром идти снова на поиски мишки к горям и крутым логам, имеющим уклон к реке Яе.

Спал я сном юноши, несмотря на свои почтенные годы. Встал рано. Предварительно плотно закусив, напился чаю и тронулся в путь.

Погода изменилась: дул резкий ветер, светило солнышко, небо покрылось маленькими тучками, спешившими на северо-запад. Тайга шумела.

Не желая тратить зря силы собак, я их взял на сворку, рассчитывая пустить, когда достигну гарей.

Старик, вооружившись топором, громадной одностволкой и краюхой хлеба, отправился со мной.

Шли мы долго, путаясь в высокой траве, частенько запинаясь и падая. Ход замедлялся уставшим стариком и тащившими, тянущими собаками, желавшими работать.

Наконец показались гари. Собак спустили, я пошел вдоль лога к Яе.

Спутник мой отстал, сев закусить. Я ходил долго, углубляясь в гарь по медвежьим тропам и, едва их терял, возвращался обратно к логу, который терять было нельзя, так как им уговорились выйти на реку, где напиться чаю, без которого старик не мог проходить день.

Я уже отчаивался в успехе охоты, предполагая на утро с пустом вернуться домой.

Вдруг слышу лай собаки на горе. По бреху знаю, что это зверь, а между тем лай сверху - по глухарю, белке собака иначе лает. Бегу на голос и по месту вижу - река близехонько. Наверное, думаю себе, собаки загнали рысь или росомуху - по этому зверю собаки одинаково лают, как на медведя.

Чем ближе, тем камней больше и путь труднее - лесок стал редеть. Увидел выбежавшего Мишку (моя зверовая собака), опять спустившегося под гору.

Иду и вижу картину: толстая осина, растущая в скале крутобереговой р.Яи, нагнулась к реке. Чуть не на макушке ее сидит солидных размеров медведь и «мурчит», поглядывая на неистовствующих внизу собак.

Берег был почти отвесный и скалистый, опускающийся крутизной в омут реки саженой 20 ширины, так, что если выстрелить и убить медведя, то он упадет в реку и сделается жертвой воды, т.е. утонет.

Дело неважное, соображаю, любуюсь на редкую картину. Вдруг слышу радостный крик, брань и причитанье явившегося на лай старика.

- Что будем делать, дедушка, как добывать-то станем зверя? - обращаюсь к спутнику.

- А бей его в башку, супостата, а нет - дай я его пальну, - храбрится старик, снимая из-за плеча свою фузею.

- Да не то, дедушка, убить-то его недолго, а выручать-то как мы его будем, он аккурат скатится в реку и утонет в омуте, - делаю реплику отважному охотнику.

- Кабы лодка была, другое дело было бы. Я сбегаю к Тихо ну, тут недалеко он сети ставит, - говорит спутник. Но Тихон подплыл сам на утлом челночке, услышавши лай собак.

На общем совете решили рубить осину «на косых», с тем расчетом, чтобы она макушкой упала не в воду, а на скалистый берег, медведя же не стрелять. Полагали мы, что он убьется о камни при падении и останется на берегу.

На всякий случай я спустился к реке, где стал ожидать падения осины, державши собак и ружье наготове, имея облаз рядом.

Долго рубили осину. Медведь все сидел и мурчал. Едва только дерево затрещало и рыбацк вскричал: «пошла, пошла» -колосс медленно стал нагибаться и чем ниже опускался, тем скорость падения увеличивалась.

Все внимание мое было обращено на несчастного мишку, крепко сидевшего на дереве.

Каково же было мое изумление при виде соскочившего и бросившегося в воду зверя в противоположном направлении.

Я спустил собак и бросился к лодке, к которой кубарем скатился рыбацк. Собаки живо догнали медведя, который плыл очень тихо, как мешок, но весь наружу (т.е. спина была не покрыта водою).

Мишка, лихой потомок моей знаменитой Дамки, подплыв к медведю, схватил его в зад, который сразу погрузился. Молодой Мальчик дергал, как умел, неуклюжего пловца, рычавшего, фыркающего в бессильной злобе.

Держу ружье наготове и кричу рыбаку: «Пробуй глубину».

Тот погружает весло, которого не хватает до дна, медведь же направляется к берегу, преследуемый собаками, то и дело топящими его зад.

Берег - чуть не отвесная скала, по которой медведь взберется живо, но собакам за ним не поспеть, а мне и подавно не вскарабкаться, а стрелять его в воде не имеет смысла, так как он утонет, если его убьешь, и в глубоком омуте пропадет без пользы для меня, почему я кричу рыбаку: «Режь его от берега».

Едва поравнялась наша ладья с мишкой, как начинаем кричать и брызгать в него водой.

Зверь яростно рычит и поворачивает к середине реки, держа свой путь вдоль по течению.

Таким образом, я его конвоировал более двух верст, не давая выскочить из реки; но вот, видим, вода зыбит на перекате, собаки бегут берегом, сознавая бесплодное преследование своего врага в

воде.

Тихон напруг свои усилия и я очутился в трех саженях от свирепого беглеца, который, учуя под лапами опору, начал неуклюже скакать, но сделав несколько прыжков, попал в яму и весь погрузился в воду; скоро его башка показалась наружу, а мишка «фышкал» и бил на одном месте передними лапами. Момент был удобный, я взял под ухо и выстрелил; пуля угодила выше глаз, раздробив переносье. Попал плохо, благодаря тому, что трудно было взять верный прицел, сидя на качающемся челноке, да и медведь не имел правильного движения. После выстрела мишка закружился на одном месте, обагрив воду кровью, брызги летели во все стороны, собаки кружились около; все перепуталось, я спешил зарядить правый ствол, что тоже не совсем удобно выполнить, сидя в вертком челноке; только привычный рыбак умно лавировал своим суденышком, стараясь подплыть сбоку.

Наконец, солидная голова показалась от меня в 5 шагах, выстрел огласил тайгу, далеко раздавшись по горам, и медведь сунулся, катаясь по мелкому перебору. Собаки прыгали на него.

Немало труда, усилий и различных приспособлений употребили мы, прежде чем удалось нам вытащить тяжелого (около 11-12 пуд.) зверя из реки на берег, где дожидался ликующий пасечник.

Вытащив медведя, мы скорее развели костер, чтобы обогреться и обсушиться, а я занялся сниманием шкуры.

Сала почти не было. Это не осенью, когда мяса не видать за толстым слоем жира. Медведь оказался самцом средних размеров, бурого цвета, с длинной уже шерстью, но без подшерстка.

По всем приметам - медведя нашло в тайгу много благодаря обилию малины, черемухи, мака и кедровых орехов, до которых медведь большой любитель.

Белки, рябчика тоже много, так что осенняя охота должна быть чудная, только бы трава улеглась.

Зима наступит не скоро, что заметно по белке, не начинающей еще чиститься, так что к Покрову (1 октября) она не поспеет, а это бывает нередко в здешней местности.

Поживем - увидим. Я надеюсь поохотиться, лишь бы ноги не изменили.

Томск.губ. и уезд, с. Спасское, сентября 10 дня, 1905 г.